

АНАСТАСИЯ
МАРКОВА

НЕВОЛЬНЫЙ
БРАК

Анастасия Маркова

Невольный брак

«Анастасия Маркова»

2019

Маркова А.

Невольный брак / А. Маркова — «Анастасия Маркова», 2019

По воле отчима я должна выйти замуж за человека, имя которого он тщательно скрывает. Мое мнение его нисколько не интересует, ведь браки по соглашению в моем мире не редкость. От невольного брака меня не спасли ни слезы, ни мольбы. В душе до последнего теплилась надежда на счастливое будущее. Но она разбилась вдребезги, словно хрустальный бокал о камень, едва я увидела жениха...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	30
Глава 4	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Анастасия Маркова

Невольный брак

Глава 1

Я стояла с конвертом в руке у окна небольшой комнаты пансиона для девушек, служившего мне домом на протяжении последних десяти лет, и невидящим взором смотрела вдаль. Дурное предчувствие охватило меня с тех пор, как я прочла пару сухих строк, написанных знакомым размашистым почерком.

– Похоже, ты не очень рада предстоящему путешествию в Дельтаун, – Элания еле слышно пересекла разделяющее нас расстояние и положила хрупкую руку мне на плечо. Соседка по комнате, ставшая много лет назад еще и лучшей подругой, всегда так делала, когда хотела меня успокоить.

– А чему радоваться? – я повернулась к Элании и встретилась со взглядом ярко-зеленых, как чистейшие изумруды, глаз.

– Хотя бы тому, что скоро встретишься с родными. Сколько ты их уже не видела? Месяцев восемь?

– Восемь с половиной, если быть точнее, – с моих губ сорвался тяжелый вздох, и я возмутилась словами подруги: – И какие они мне родные?!

– Хоть какие, у меня и таких нет...

– Прости...

Я печально посмотрела на подругу и ощутила вину. Ее родители погибли, когда она была еще маленькой, и опекуном Элании согласно завещанию стал совершенно чужой ей человек – друг отца, поспешивший избавиться от девочки, отправив ее в пансион.

– Но мне так не хочется туда ехать, – продолжила я, чуть покачивая головой.

– А когда выезжаешь?

– Завтра в три.

– Завтра?! Так скоро?! – изумленно воскликнула Элания, не сумевшая скрыть разочарования.

– Да. Вот скажи, зачем я ему вдруг понадобилась?

– Может, случилось что-то серьезное, – неуверенно вымолвила она.

– Например?

– Или он, или твоя мачеха тяжело больны. Хотят проститься и сказать тебе напутственные слова.

– Вряд ли. Когда я их видела в прошлый раз, они оба находились в прекрасном здравии и на их лицах не было и намека, что им плохо живется на деньги, оставленные моими родителями.

– Он хоть словом обмолвился о необходимости столь срочного визита?

– Нет. И это меня беспокоит.

– А что говорится в письме?

– Держи, – я протянула ей конверт. Элания торопливо развернула листок бумаги и пробежалась по нему глазами.

– И это все? – озадаченно посмотрела на меня подруга.

– Да. Ровно семь слов. На большее он не расщедрился.

Внезапно дверь широко распахнулась и в комнату вбежала Молли – еще одна моя соседка. Ее щеки покраснелись от быстрого бега, рыжие волосы, заплетенные в тугую косу – как требовалось в пансионе, растрепались, а дыхание сбилось и стало прерывистым.

– Смотрите, что я раздобыла! – она встала между нами и раскрыла ладонь, на которой лежала небольшая миниатюра в золоченой оправе.

На ней был изображен молодой человек со слегка вьющимися темно-каштановыми волосами и невероятно красивыми синими глазами. Белая прядь начиналась у макушки и тянулась к правому виску – отличительная черта рода, передававшаяся только по мужской линии, и то, насколько слышала, не всем. Лэр Ламир Тонли – главный дознаватель империи – считался одним из самых импозантных мужчин страны. Им восхищался высший свет, миниатюры с его изображением, желая обогатиться, продавали художники, женщины едва ли ни вешались ему на шею, а другие лэры старательно подражали отменному вкусу этого аристократа.

– Тебе точно некуда деньги девать! Которая уже за этот месяц? Вторая? А он еще только начался, – укоризненно заговорила Элания. Только толку? Родители у Молли были богаты. Они наслаждались жизнью: путешествовали, ездили в гости к друзьям, ходили по балам и не обременяли себя воспитанием единственной дочери, возложив эту миссию на наставниц пансиона. Родительскую любовь и заботу, которых была лишена Молли, они компенсировали деньгами, и она бездумно сорила ими налево и направо.

– Как можно было пройти мимо такой прелести? Девушки налетели на художника, словно голодающие на хлеб. А еще говорят, что адепты бедные. Ага, бедные! Еле успела одну выхватить. Он такой красавчик, такой лапочка.

– Смотри, слюни потекут, потом пол придется мыть. А вдруг проест паркет? Что тогда делать будешь? – ворчала Элания. Невзирая на ее слова, Молли начала целовать миниатюру. – Эх, вот бы нам снова удалось попасть на бал и он там оказался!

– Попадем, – тяжело вздохнула я, снова уставившись в окно.

Всех выпускниц нашего пансиона водили на бал и представляли высшему свету, чтобы холостые лэры при желании могли выбрать себе жену. Как правило, после таких грандиозных мероприятий две трети девушек к окончанию обучения находились на выданье.

Раздался звук множества труб, и через пару мгновений из соседнего здания вылетела стайка залиvisto смеющихся парней и девушек в разноцветных мантиях. Я с завистью смотрела на них, думая, что сейчас могла бы точно так же выбегать из массивных дверей в синей или красной накидке, если бы не одна ночь, перевернувшая мою жизнь с ног на голову. Я давно заметила, что все самое плохое и ужасное происходит в это время суток... Именно ночью ушел на тот свет мой отец, а через четыре года и мама. С ее смертью рухнули все мои мечты на счастливое будущее. Однако я лишилась не только его, но и тепла, ласки, любви, которыми была окружена с рождения. Правда, отец меня не любил и не принимал никакого участия в воспитании. Зачастую, когда он был пьян – а таким отец возвращался из кабаков едва ли не через день, – грозился отлупить меня за малейшую провинность, но так ни разу и не поднял руку. И до восьми лет я не знала, что такое выволочка.

В пансионе же все было иначе: правила поведения в высшем свете в нас вколачивались, если они не доходили с первого или второго раза. К спинам девушек привязывали доски, на головы водружали книги, стопы перевязывали плотными бинтами. И все ради того, чтобы в один из дней мы стали женами высокопоставленных аристократов.

– Айрис! – собственное имя вывело из воспоминаний.

– А... Что? – встрепелась я, заметив, что по привычке терблю пальцами кулон каплевидной формы на тоненькой золотой цепочке – все, что мне досталось от матери.

– И надолго ты? – видимо, в который раз повторила вопрос Элания.

– Ты куда-то уезжаешь? – удивленно посмотрела на меня Молли, оставив миниатюру в покое.

– Да. Домой. Но ненадолго. Рассчитываю на неделю, не больше. Мне же предстоит еще закончить обучение. Ведь на меня никто не положил глаз после первого бала. По крайней мере, настоятельница пансиона не говорила, что мной кто-либо заинтересовался, в отличие от вас.

– Да ладно тебе! Было бы из-за чего отчаиваться. Ты думаешь, мне есть чему радоваться? Этот толстый Алтари каждый год на кого-то заглядывается, но так пока ни на ком и не женился.

– А вот обо мне спрашивал Элтон Мольен! – хвастливо проговорила Молли и с довольной улыбкой села на край стула. Видимо, это привычка была уже у нас в крови.

– Откуда знаешь? – Элания прищурилась, явно ей не поверив. Упомянутый нашей соседкой молодой человек был также одним из завидных женихов империи.

– Мама вчера письмо прислала!

– Странно, что ты забыла таким поделиться с нами.

– Так это же не Ламир. Вот если бы он пришел договариваться с отцом о браке... – она вымолвила фразу с таким вдохновением, что еще немного – и, будь она сильным магом, все деревья вокруг пансиона расцвели бы заново, невзирая на начавшуюся осень.

– Об этом знала бы уже вся империя, – закончила за девушку Элания, невзлюбившая зазнайку с первого дня. Сколько я ни старалась их сдружить и объяснить своей лучшей подруге, что Молли по-своему очень несчастна – быть почти сиротой при живых же родителях! – у меня ничего не вышло, и они минимум раз в неделю умудрялись поссориться. – Везет же некоторым! Вот что в тебе такого? Глаза самые обыденные – карие, лицо в веснушках...

– Денег у моего отца много! – без обиняков воскликнула Молли.

– Против правды не поперешь, – согласилась с ней подруга впервые за многие месяцы.

Им удалось избежать очередной размолвки. Девушки продолжили о чем-то говорить, но мне сейчас было не до них. Я вновь и вновь мысленно возвращалась к письму отчима. Мой опекун никогда не пылал ко мне любовью и не испытывал ни капли жалости. Даже в ту ужасную ночь, когда умерла моя мать, лэр Томас Хотдженс не пытался подобрать приободряющие слова, а бесцеремонно разбудил меня на рассвете и сообщил прискорбную новость. А спустя неделю после похорон он занялся поисками элитного пансиона для девушек. Невзирая на высокую стоимость обучения, отчим поспешил избавиться от неуютной ему падчерицы, едва договорился об этом с хозяйкой заведения. Ни слезы, ни мольбы маленькой девочки, не оправившейся после кончины матери, не смогли разжалобить его сердце.

Отчим, которому на то время было чуть меньше сорока, выждал год траура, после чего женился во второй раз на молодой девушке. Вскоре у них появился ребенок. Если я и до этого была им не нужна, то с рождением наследника о моем существовании и вовсе никто не вспоминал. С приходом новой хозяйки сменилась и прислуга. Мою комнату переделали в детскую для Ромера, словно в огромном поместье больше не было других свободных помещений. Все вещи матери бесследно исчезли. Наверняка тем самым моя мачеха попыталась избавиться о малейшем напоминании о другой семье своего драгоценного мужа. Лишь мои визиты омрачали их счастливую семейную жизнь.

Десять лет. Десять долгих лет из года в год я приезжала в родительский дом, ставший мне чужим, всего на две недели во время зимних каникул и считала дни, чтобы вернуться в пансион. Летом меня здесь видеть никто не желал. И я оставалась в опустевшем учебном заведении вместе с Эланией, которой, как и мне, некуда было деваться. Поскольку занятия в это время не проводились, мы сами искали себе развлечения не только по вечерам, но и днем: читали вслух друг другу книги, бродили по саду, примыкавшему к пансиону, а также пытались овладеть магическими заклинаниями. Здесь этому практически не обучали. Мы прошли парочку уроков по бытовой магии, чтобы подогреть чай, высушить волосы... С первого и до последнего дня в этом заведении готовили покорных и начитанных жен для богатых мужчин. Задатки магии, если у кого-то таковые были, в нас не развивали. Моя же мама считала, что и девушкам из высшего общества не мешало бы уметь с ней обращаться.

Занятия, как правило, длились до пяти часов вечера, чтобы загрузить нас делами и не оставить времени на поиски приключений, но в пятницу я до их окончания так и не досидела.

Еще одно похожее письмо от отчима пришло настоятельнице пансиона. Она-то и позволила мне покинуть класс в час дня, чтобы я успела подготовиться к поездке.

Ученическое платье я сменила на дорожное, несколько раз провела ладонями по покрывалу на узкой кровати, разглаживая мельчайшие складки, взяла книгу и попыталась погрузиться в сюжет, но мне не удавалось. Едва садилась на стул, тут же вскакивала, словно на нем были угли, и шла к окну. Я делала глубокие вдохи, немного успокаивалась и снова брала в руки маленький потрепанный томик любовного романа, который знала почти наизусть.

Когда пришел час отъезда, я положила книгу в ридикюль, заправила за ухо выбившиеся темно-каштановые пряди и оглядела комнату. На глазах проступили слезы, а сердце сжалось от тоски. Уезжать совсем не хотелось.

«Глупая! Не пройдет и недели, как ты вернешься сюда! Кому ты там нужна?!» – мысленно отругала себя. Тяжело вздохнув, завязала ленты на шляпке, взяла небольшую сумку и ровно к трем спустилась в холл пансиона.

Мелани – гувернантка моей сводной сестры – уже ожидала меня там. Путешествовать молодой лире без сопровождения замужней женщины считалось верхом неприличия.

Она молча присела в реверансе, забрала у меня из рук вещи, и мы направились к кованым воротам, возле которых стояла небольшая двуколка. Дорога предстояла неблизкая – почти сутки в пути. Пансион располагался на небольшом острове, поэтому не каждый желающий мог на него добраться. Билет на корабль стоил приличных денег, а отчим решил ни с того ни с сего раскошелиться. К добру ли это?

За час до отправления мы были уже на пристани. Ветер играл с широкими лентами шляпки, а теплое солнце согревало меня своими лучами. Еще месяц – и оно не будет уже таким ласковым. Я подставила лицо морскому бризу и постаралась отпустить тревогу, разраставшуюся внутри с невиданной скоростью.

Вокруг царил шум и гам. Несмотря на разгар учебы, адепты, решившие повидать родных, сновали по палубе и возбужденно о чем-то беседовали. Никто не хотел сидеть в буфете или внизу на неудобных лавочках. Вдоволь наговорившись, вскоре они начали дурачиться. Я стояла у борта и исподтишка наблюдала за ними, изо всех сил силясь спрятать за улыбкой рвущийся наружу смех. Иногда мне это не удавалось. Тогда я отворачивалась от них и закрывала рот ладошкой. «Порядочной девушке следует соблюдать спокойствие и невозмутимость в любой ситуации...» – раздался в голове голос наставницы.

Было уже далеко затемно, когда корабль пришвартовался к пристани, и отступившая тревога взялась за меня заново. За девять часов, проведенных в пути, мне удалось узнать от молчаливой Мелани, что и отчим, и мачеха находятся в полном здравии. И это лишь усугубило мои подозрения, что неспроста он меня внезапно вызвал.

Судно мы покинули едва ли не последними, дожидаясь, пока шумные адепты, ринувшись к выходу, не перестанут толпиться. Один за другим они садились в ожидавшие их кареты и пытались поскорее унести прочь от царившей здесь суеты. Я поплотнее запахнула накидку, надетую еще на борту, и быстрым шагом направилась к экипажу, на дверце которого даже в темноте виднелись золотые буквы «ТХ». Эта карета отличалась от той, что забирала меня ранее, и, похоже, была сравнительно новая. Отчим менял их как перчатки, словно они стоили пару медяков.

Кучер подал мне руку и помог взобраться по узеньким ступенькам. Едва я села на прохладную скамейку, как увидела неизвестно откуда возникшую тень за спиной Мелани. Я вскрикнула от испуга, но не успела предупредить служанку. Мужчина повалил женщину на землю, выхватил из-под нее мою сумку и, увернувшись от бросившегося на него лакея, рванул со всей прыти прочь.

– Стой! Мои вещи! Держите его! – я выскочила из кареты, сделала пару шагов и проводила взглядом удаляющегося грабителя. Хотелось побежать за ним, но сдержалась – не позволяли манеры приличия. Жаль, моим героем этим поздним вечером никто не пожелал стать.

– Лира Айрис, там было что-то ценное? – с тревогой в голосе спросил лакей, который даже с места не сдвинулся, чтобы попытаться спасти мой багаж.

– Нет, только одежда, – воспитание в пансионе помогло мне скрыть негодование за маской равнодушия. Я осталась без вещей. Но кого это заботило?..

Кучер вновь помог мне взобраться в закрытый экипаж, дождался, когда Мелани займет место напротив меня, и тронул лошадей. Цокот копыт о мостовую, казалось, разносился на многие километры, тревожа погрузившихся в сон горожан. Но вскоре он перестал действовать мне на нервы, и я отдалась во власть дремы, устроившись как можно удобнее на скамеечке, обитой мягким бархатом. Правда, рытвины и выкрики лакеев других экипажей, встречавшихся на нашем пути, постоянно вырывали из полузабытья.

Где-то около шести вечера вдали показались огромные деревья. Они, словно молчаливые стражники, стояли по обочинам дороги, ведущей к особняку четы Хотдженов. Воспоминания о счастливом детстве, о заботливой матери, уделявшей мне каждую свободную минуту, нахлынули столь неожиданно, что я не смогла сдержать ни улыбку, ни покотившиеся по щекам слезы. В жаркий день, подобный сегодняшнему, мы с мамой часто выходили в парк, прилегающий к дому, и усаживались на скамейку в спасительной тени раскидистых крон. Она читала мне сказки, рассказывала захватывающие истории. Вернее, так было, пока в нашей жизни не появился лэр Томас Хотдженс – грубый, мрачный, вечно всем и всеми недовольный. И что мама в нем нашла?

По мере того как лошади замедляли ход, мое и так быстро стучащее сердце набирало обороты. Еще немного – и я узнаю о причине столь внезапного возвращения домой.

С каждой минутой все отчетливее было видно строение из серого камня, не являвшееся мне больше домом. Вскоре карета остановилась, дверца распахнулась, и я, опираясь на руку лакея, ступила на землю и повела плечами, стараясь сделать это как можно незаметнее. Тело ужасно затекло. За весь путь от причала до особняка мы лишь единожды сделали остановку. Мое дорожное платье изрядно помялось, и я всячески старалась разгладить его руками, ожидая, что кто-нибудь из домочадцев с минуты на минуту выйдет мне навстречу. Однако я миновала многочисленные ступеньки, ведущие к величественной двери, очутилась в огромном светлом холле, но никто так и не появился.

– Лира Айрис! – раздался приятный женский голос, и я торопливо на него повернулась. Это была экономка. – С приездом. Пойдемте, провожу вас в отведенную вам комнату. Думаю, вы хотите принять ванну и переодеться?

– С удовольствием. Но мои вещи украли в порту, – немного растерянно проговорила я, продолжая удивляться, что никто не потрудился меня встретить.

– Я доложу об этом лэру Тэйлане. Прошу вас, следуйте за мной, – служанка развернулась и направилась по лестнице на второй этаж. Озадаченно посмотрев ей вслед, я поспешила нагнать экономку.

Выделенные мне покои были немногим меньше, чем те, что я занимала в пансионе. Правда, их мы все же делили втроем, а здесь я была сама себе хозяйкой. Роскошная обстановка произвела на меня впечатление. Огромных размеров кровать, ванная комната за стенкой, удобная кушетка для чтения... Отчим не поспешил. В прошлый же раз мне досталась небольшая клетушка с узкой кроватью. Однако чем сильнее я радовалась, тем больше закрадывалось подозрение, что это неспроста.

Пока я нежилась в подготовленной ванне, на кровати появился новый комплект нижнего белья и платье. Молоденькая горничная, пришедшая мне на помощь, чтобы собраться к ужину и уложить длинные волосы в затейливую прическу, сообщила, что лэр Хотдженс желает меня

видеть, как только я буду готова. Я старалась сидеть спокойно, пока служанка укладывала две косы в подобие короны, но то и дело вытирала о бока вспотевшие ладони. Едва она закончила, я вскочила с мягкого пуфика, поблагодарила девушку и быстро покинула комнату.

Тревога вперемешку с недоумением настолько поглотили меня, что я не заметила, как подошла к нужной двери. Несколько мгновений я стояла с застывшей в воздухе рукой, не решаясь встретиться с человеком, выставившим меня из родного дома. Ведь со смертью матери я стала здесь нежеланным гостем. Сделав несколько глубоких вдохов, разгладила невидимые складки на платье, расправила плечи, подняла голову и все-таки постучалась.

Как только прозвучало позволение войти, я несмело нажала на ручку и перешагнула через порог.

Суровый взгляд черных глаз тут же вызвал в теле неприятный трепет, и мурашки побежали вдоль позвоночника. Однако годы, проведенные в пансионе, не прошли даром – я мгновенно взяла себя в руки. Лэр Томас Хотдженс сидел в роскошном кресле и не потрудился даже встать, как того требовал этикет. Где уж ему, с таким-то весом?! Прошло всего восемь месяцев с тех пор, как я видела его последний раз, но, казалось, он поправился на все сто килограммов. В свои пятьдесят лет отчим выглядел безобразно: огромный живот лежал на коленях, дряблые щеки свисали как у собак и подрагивали при разговоре, словно желе, черные волосы на голове были зачесаны слева направо, но и они не могли скрыть проступившую лысину. Представившийся моему взору мужчина разительно отличался от того, кто появился на пороге этого дома двенадцать лет назад.

– Проходи, Айрис, и садись, – отчим указал пухлыми пальцами на свободное кресло напротив себя, и я быстрым шагом пересекла помещение и устроилась на краешке сиденья. Он молчал, продолжая скользить по мне оценивающим взглядом. – Манеры твои впечатляют, как и отчет настоятельницы о твоей успеваемости, но вот сама ты так и не похорошела. Твоя мать была гораздо красивее. И в кого ты такая пошла? А может, не такой уж я и ценитель женской красоты? Хотя какое мне дело? Ему виднее...

Я с трудом смогла сдержать рвущиеся наружу слезы и потупила взгляд, уставившись на носки своей обуви. На правду не обижаются, но разве нельзя было об этом промолчать? Фиолетовые глаза матери, в отличие от моих, бледно-голубых, в сочетании с пшеничного цвета волосами покорили не одного мужчину. Я же не ловила на себе восхищенных взглядов. Обычная, ничем не примечательная лира...

– Если вам не сложно, лэр Хотдженс, объясните, пожалуйста, цель моего приезда, – я все же осмелилась подать голос, когда тишина, нарушаемая лишь сопением хозяина кабинета и размеренным тиканьем часов, стала давить на плечи как непомерный груз. Слова отчима «ему виднее» не остались без моего внимания.

– Я принял окончательное решение относительно тебя: в следующую пятницу ты выходишь замуж.

Кровь схлынула с лица, а затем так же мгновенно прилила. Комната поплыла перед глазами – настолько сильно закружилась голова. «Наверняка я ослышалась. Этого не может быть!»

– Как замуж? – спросила на этот раз решительно, осмелившись посмотреть на него прямо. На кону была моя судьба!

– А чему ты так удивлена? Что тут за новость такая неслыханная? – отчим фыркнул, но этот звук больше походил на хрюканье. – Выпускницы пансиона, как правило, отправляются сразу к алтарю. Тебе же доведется познать радости супружеской жизни немного раньше, – с ехидной ухмылкой проговорил он.

– Но ведь я еще не закончила учиться! Не попрощалась с подругой! – быстро выпалила я, вскочив с кресла. Известие о замужестве стало для меня шоком. Но слабая надежда, что еще не все потеряно и у меня есть шанс избежать внезапного брака, теплилась, подобно тлеющему угольку.

– А ну сядь! Этому тебя учили в пансионе?! Или ты забыла, как подобает вести себя молодой лире?! Вздумала на шее у меня сидеть?! Ты хоть знаешь, как дорого мне обошлось твое обучение? Неблагодарная! – он ревел, как раненый дикий зверь, а маленькие черные глазки налились кровью от ярости. – Вопрос решен! Брачный договор уже подписан!

Я, не чувствуя под собой пола, вновь опустилась в кресло и нервно сглотнула, однако в горле ужасно пересохло от волнения. Как так – решен?..

– Похоже, мое мнение относительно предстоящего брака вас не интересует, но позвольте тогда узнать имя будущего супруга, – в моем голосе сквозила обреченность.

– Зачем? – отчим пристально посмотрел мне в глаза. Я с трудом выдержала этот хищный взгляд. – Готовься к свадьбе. Отдыхай, отсыпайся, отъедайся. Может, еще успеешь обрасти слегка мясом, а то больно на тебя смотреть. И поверь, Айрис, о подобной партии ты даже во сне мечтать не смела. Породниться с таким древним родом – большая честь для тебя, – я почувствовала, как сошлись на переносице брови. – И, соответственно, для меня, – отчим довольно улыбнулся и стал подниматься со своего кресла. Правда, удалось мужчине это не с первого раза, а с третьей или четвертой попытки. В этот момент я отметила, что излишний вес убьет его раньше отмеренного ему судьбой срока, если он немедленно не сядет на диету.

– Вы очень великодушны, лэр Хотдженс. Благодарю вас за заботу о несчастной сиротке, – не без сарказма вымолвила я, стараясь скрыть тем самым панику и неуемную злость, вспыхнувшую с невиданной силой.

– Только попробуй, Айрис, что-нибудь выкинуть! Пожалеешь об этом, – медленно, с неприкрытой угрозой в голосе проговорил отчим, потрясая пухлым пальцем, на котором красовался золотой перстень с красным камнем. Хорошо же ему живется на деньги моих родителей... – За тобой будут приглядывать, пока не перейдешь к мужу.

Я ничего не ответила, лишь слегка склонила голову в знак, что услышала его. Сейчас следовало придержать язык за зубами, иначе ничем хорошим это не закончится. Однажды я уже поплатилась за свою горячность... Но осмелится ли он поднять на меня руку теперь, когда пообещал кому-то в жены?

Последовав его примеру, я поднялась с кресла и... покачнулась. Несколько мгновений – и головокружение прошло, я вновь крепко стояла на ногах, мысленно ругая себя за минутную слабость. Однако новость о замужестве все же сильно меня шокировала. Лэр Хотдженс распорядился моим будущим, как ему хотелось, обращался со мной, словно с вещью, которую и выбросить нельзя, и нести тяжело. Интересно, как обстояли дела с моим приданым? Успел пустить по ветру или что-то осталось еще от тех денег?

Отчим указал жестом на дверь, и я, присев в реверансе, спешно пересекла просторный кабинет. Теперь мне предстояло перенести еще одно испытание – ужин. Правда, есть совсем расхотелось после услышанных известий. Я злилась, но что толку? Разве мне под силу было что-то изменить теперь, когда отчим заключил договор? А вдруг моим мужем окажется весьма приятный и начитанный молодой человек, которого, возможно, я в будущем полюблю? Если бы отчим назвал имя жениха, наверняка мне удалось бы хоть что-то выяснить о нем до свадьбы. Но почему лэр Хотдженс его утаил? Может, он ужасно некрасив? Калека? Или все же не стоит надеяться на счастливую участь и подарок судьбы, беспощадно преподнесившей мне на протяжении многих лет сюрприз за сюрпризом, и попытаться сбежать, спрятаться где-нибудь в тихом местечке на краю империи?

До ужина оставалось еще около четверти часа. Я воспользовалась этим временем, чтобы скрыться в комнате для гостей, привести мысли в порядок и с невозмутимым видом спуститься в столовую, где мне предстояло лицом к лицу встретиться с остальными членами семьи. Вряд ли кто-то из них будет рад моему приезду.

Как и ожидала, мачеха одарила меня презрительным взглядом, едва показалась ей на глаза. Будто я по своей воле нарушила их размеренную семейную жизнь, а не ее муж послал

письмо в пансион с требованием немедленно вернуться домой. Всегда худая и цветущая Тэйлана заметно располнела в груди и талии, под глазами залегли тени. Вероятно, женщина находилась в интересном положении. И я ненадолго впала в оцепенение, когда в голову пришла эта мысль. Неужели отчим при своих проблемах со здоровьем был еще на такое способен?

– Как добралась? – сухо, даже не пытаясь скрыть своей неприязни, спросила мачеха.

– Спасибо, хорошо, – отозвалась я спокойным тоном, научившись благодаря воспитанию в пансионе надевать маску равнодушия, хотя израненная душа рыдала и билась в истерике, умоляя меня вернуться на остров.

Девятилетний Ромер сильно вытянулся за последний год, впрочем, как и его сестра Омела, которой не так давно исполнилось пять. Дети, ни один не похожий на лэра Хотдженса, с интересом разглядывали меня, явно позабыв за долгое время, как я выгляжу.

Едва в обеденный зал вошел отчим, все заняли свои места за столом. Слуги подавали одно блюдо за другим, но из-за отсутствия аппетита я лишь ковырялась в тарелке. Хотя не одна я. Мое присутствие, бесспорно, тяготило супругов. Одной Омеле было не понять, отчего в помещении так тихо, и она решила побаловаться.

– А к нам на этой неделе приходил дедушка, – хвастливо проговорила девочка, взмахнув вилкой с поддетой на нее картофелиной. От резкого взмаха ребенка овощ перелетел в тарелку Ромера. Видимо, Хотдженсы пока не сильно преуспели в воспитании дочери.

– Омела! – прикрикнула Тэйлана.

– Твой дедушка? – любопытствовала я, списав грозный вид мачехи на дирижерство дочери. Родители отчима давно скончались, а вот у его жены и мать, и отец были живы.

– Нет! Чужой, – ответила девочка с набитым ртом.

– Омела! – в очередной раз женщина пресекла высказывания своего дитя. – Не слушай ее, Айрис. Ей даже молодой мужчина кажется старым.

Отчим шикнул на Тэйлану, и она резко замолчала, осознав, что сболтнула лишнего.

– Нет! Он... – захныкала девочка, а когда мачеха вновь на нее прикрикнула, зарыдала горячими слезами. К ней подбежала Мелани, схватила плаксу и спешно унесла.

После небольшого семейного концерта ужин продолжился в полном молчании. Мне не терпелось поскорее очутиться в отведенных покоях и насладиться одиночеством. Присутствие четы Хотдженсов нервировало меня так же, как и мое их.

В комнату для гостей я не шла, а бежала, забыв обо всех правилах приличия, что вкладывались в мою голову не один год. Общество отчима и мачехи давило, будто тяжелая плита. Лишь переступив порог просторного помещения, служившего моим временным убежищем, смогла вдохнуть полной грудью. Спустя несколько мгновений я успокоилась и снова взяла себя в руки. Мне предстояло написать письмо лучшей подруге в пансион о том, что в ближайшее время мы не увидимся или же и вовсе никогда больше не встретимся. Я взяла лист бумаги, заточила перо, обмакнула его в чернила и вывела всего пару строк, а потом закрыла лицо руками и расплакалась, дала, наконец, волю слезам, которые с трудом сдерживала на протяжении всего ужина. Когда рыдания перешли в единичные всхлипы, я встала со стула и направилась к запахнутому окну. Полная серебристая луна высоко плыла по чернильному небосводу. Ее далекий свет манил к себе, успокаивал. Обхватив плечи руками, словно защищалась от всего внешнего мира, погрузилась в раздумья.

Где я могла встретиться с женихом? На балу? Корабле? Острове? В редкие визиты домой я сидела взаперти в выделенной мне комнате, старалась не показываться никому на глаза, наслаждалась тишиной и одиночеством. Следовательно, в Дельтауне будущий супруг вряд ли мог меня увидеть. Хотя какое это имело уже значение? Важнее всего теперь другое: кто станет моим мужем и где окажется мой новый дом?

Однако голову занимали не только эти вопросы, но и странное поведение четы Хотдженсов. Многим девушкам, несмотря на то, что решение о браке принималось родителями,

обычно устраивались встречи с женихами. Мне же со своим доведется познакомиться лишь на свадьбе. К чему такая секретность? Почему отчим не назвал его имени, а Тэйлана не единожды заставляла дочь замолчать? Неужели мое внезапное возвращение как-то связано с таинственным визитером? И почему Омела назвала его дедушкой? Кто он? Поверенный моего будущего мужа, его отец или сам жених? Может, девочке он просто показался старым ввиду ее возраста? Не станет же отчим отдавать меня замуж за старика! Или станет?

В итоге я накрутила себя еще больше и, раздевшись без помощи служанки, улеглась в теплую постель, так и не дописав письмо. Завтра. Я непременно закончу его завтра. Возможно, с утра мое будущее не покажется мне столь мрачным, каким оно виделось этим поздним вечером.

Я погасила магический светильник на прикроватной тумбочке, закрыла глаза и погрузилась в крепкий сон.

* * *

Весь следующий день, только чтобы не встречаться ни с отчимом, ни с мачехой, я просидела в комнате, словно это могло что-то изменить. Благо меня никто не тревожил. Возможно, они давали мне время смириться со своей участью или же попросту им было, как всегда, все равно. Но ведь к свадьбе надо как-то готовиться...

За ужином нас стало на одного человека меньше. Со слов мачехи, еще вчера совершенно здоровая малышка внезапно почувствовала себя плохо и осталась этим вечером в детской. Неужели девочка на самом деле заболела? Или же ее убрали подальше с моих глаз? А не проведать ли мне Омелу при случае?

В понедельник же с самого утра, едва несмелый солнечный луч коснулся моего лица, раздался стук в дверь. После позволения войти в комнату вплыла полная женщина в сопровождении Тэйланы, а следом за ними – двое мужчин с увесистым сундуком. Слуги поставили его на пол и спешно удалились.

Портниха под пристальным взглядом мачехи снимала мерки. Когда женщина взяла в руки отрез голубой ткани, я не сдержала удивления и спросила:

- Почему именно этот цвет? Разве невестам не положено быть в белом?
- Так пожелал твой будущий муж, – скупно бросила Тэйлана.

Скорее всего, желая избежать дальнейших вопросов, она встала с кушетки и вышла из комнаты, оставив меня на портниху.

И это тоже мне показалось странным. Что же за жених у меня такой? Неужели он не знает, что едва ли не каждая девушка мечтает оказаться у алтаря в роскошном белом платье с красивой диадемой на голове? А в моем случае, похоже, никто ни раскошеляться, ни утруждаться не собирался.

К среде мне наскучило сидеть в комнате, и я решила прогуляться по лужайке с аккуратно подстриженной травой. Осень уже раскрасила кроны деревьев. Одни радовали взор золотом, другие – пурпуром, а третьи – оттенками красного и оранжевого.

Я бродила по извилистым дорожкам в ухоженном парке и постоянно чувствовала на себе чей-то чужой взгляд. Обернувшись, заметила, что за мной следовал высокий мужчина, одетый во все темное. Видимо, отчим все же приставил ко мне человека. Неужели боится, что сбегу?

Ноги сами свернули по старой памяти на узкую тропинку. Каково же было мое удивление, когда увидела мачеху, сидящую в тени раскидистого дуба, того самого, под которым и я частенько проводила время со своей мамой. Тэйлана читала книгу, а у ее ног с большой и красивой куклой игралась Омела. На щеках малышки сиял румянец, и ничто в ней не выдавало следов тяжелой болезни, о которой вчера твердила ее мать. Стоило мне сделать к ним шаг,

мачеха кивком указала Мелани, греющейся неподалеку на солнышке, на ребенка. Та, подхватив Омелу на руки, спешно направилась к дому.

Проводив служанку взглядом, я устроилась рядом с Тэйланой на скамейке. Она усиленно делала вид, что не замечает моего присутствия, продолжая перелистывать страницу за страницей.

– Что вы от меня скрываете? – я решила не искать обходных путей и прямо спросить. Эти игры были не для меня. Хитрости и изворотливости нас в пансионе не учили, лишь кротости и покорности. Наверняка мало кто из родителей, отправлявших туда своих детей, знал, какими методами эти качества прививались. Я передернула плечами, а по коже прошел озноб, едва вспомнила все, через что мне пришлось пройти.

– О чем ты, Айрис? – она закрыла потрепанный томик и наконец-то соизволила на меня посмотреть.

– Зачем гувернантке понадобилось немедленно уносить Омелу?

– Я ведь тебе уже говорила, дочка болеет. Солнце сегодня нещадно припекает, а она и так уже давно на улице, – ее голос ни разу не дрогнул, словно она и сама прошла обучение в том же пансионе, что и я.

– Считай, поверила, – прошептала себе под нос.

– Айрис, я прекрасно тебя понимаю, – она накрыла мою руку своей, но, заметив мой озадаченный взгляд, убрала ее. – Всех невест преследует предсвадебное волнение.

– Лири Тэйлана, вы видели жениха? – я пропустила ее слова мимо ушей.

– Нет, – без промедления ответила мачеха, однако выражение ее лица говорило совсем о другом.

– Что с ним не так?

– Айрис, все с твоим женихом в порядке. Не стоит так переживать. Поверь, едва ли не каждая лира в этой империи хотела бы оказаться на твоём месте. Даже я тебе немножечко завидую, – Тэйлана тяжело вздохнула, недовольно покачала головой, а затем, погладив живот, встала со скамейки и неторопливо двинулась к особняку.

Я тоже поднялась, подошла к величавому дереву и провела пальцами по шершавой коре. Мне не сразу удалось почувствовать надпись, сделанную мамой много лет назад. Мои губы тронула легкая улыбка, когда я все же ее нащупала. Стоило закрыть глаза, как мне показалось, что я слышу ее звонкий смех, приятный голос... Воспоминания о матери придали сил, и я решила во что бы то ни стало докопаться до истины. Если Тэйлана подумала, что провела меня, то ошиблась.

За час до ужина мачеха обычно закрывалась в своей комнате и появлялась в столовой за пять минут до назначенного времени. Этим моментом я и собиралась воспользоваться.

Как и предполагала, в детской никого, кроме самой Омелы и ее гувернантки, не было. Однако стоило мне войти в комнату, встретилась с воинственно настроенной Мелани.

– Лири Айрис, вам нельзя сюда! – вымолвила женщина, преграждая мне путь.

– Кто такое сказал? – я изобразила удивление, хотя догадывалась, что все окажется не так просто, как хотелось бы.

– Пожалуйста, покиньте немедленно комнату! Или...

– Или что?

– Я позову лиру Тэйлану! – она, наверное, думала, что я испугаюсь и немедленно уйду, но это не входило в мои планы.

– Как вам будет угодно.

Если она оставит меня наедине с девочкой, это будет мне лишь на руку. Так и случилось. Мелани, осознав, что уходить я не собираюсь, вылетела из детской, впопыхах забыв закрыть дверь. Первой мыслью было ее запереть, наложив магическое заклинание, но подумала, что

могу тем самым напугать ребенка. Я подобрала длинную юбку и опустилась перед девочкой на колени. Она с интересом посмотрела на меня.

– Омела, помнишь, ты рассказывала о дедушке, который приходил к вам в гости? – несмотря на беспокойство, я старалась говорить мягко и с улыбкой на губах. Малышка кивнула, и моя улыбка стала шире. – Скажи, почему ты назвала его дедушкой?

– Потому что... Потому что он дедушка! – воскликнула разволновавшаяся Омела и крепко прижала к себе все ту же игрушку, с которой была в парке.

– Хм... У него такие же белые волосы, как и у твоей куклы?

– Нет! Да! – ее противоречивые ответы поставили меня в тупик.

– Думаю, тебе стоит немедленно уйти отсюда и привести себя в порядок перед ужином! – влетела в комнату Тэйлана, а следом за ней и Мелани.

В серых глазах мачехи полыхали недобрые огоньки. Мне пришлось покинуть детскую, так и не добравшись к разгадке тайны. Ничего не оставалось, как отдаться во власть судьбы. Надеюсь, что в этот раз она будет ко мне благосклонна.

* * *

– Повернитесь, лира Айрис, – попросила портниха, подгоняя платье. – Вы выглядите в нем просто превосходно!

Женщина со всей душой подошла к работе. За пару дней она сшила изумительное платье нежно-голубого цвета с пышной юбкой. Лиф украшало множество стразов, переливающихся на свету всеми цветами радуги, а широкий пояс темно-синего цвета подчеркивал тонкую талию.

Мне и самой нравилось то, что я видела в отражении. Осталось совсем немного. Уже завтра я узнаю имя своего будущего мужа. Но почему так колотится сердце от одной лишь мысли о нем?

Внезапно дверь открылась, и в комнату вошел отчим с незнакомым мужчиной, которому на вид было лет сорок. Его виски заметно тронула седина. Может, это он?

– Оставьте нас! – холодным тоном скомандовал портнихе лэр Хотдженс, и та спешно удалилась.

Я растерянно переводила взгляд с одного на другого, даже не представляя, о чем сейчас пойдет речь.

Отчим окинул меня с головы до ног неприятным оценивающим взглядом, от которого появилось нехорошее предчувствие.

– Это лэр Колиста – наш семейный целитель. Он тебя осмотрит, – сказал мой опекун тоном, не терпящим возражений.

По спине мгновенно пробежался неприятный озноб, а кожа стала гусиной.

– Зачем? – почти шепотом осведомилась я и попятилась, прижав руки к груди.

– Завтра ты выходишь замуж, и мне нужно подтверждение, что ты невинна.

– На осмотре настоял мой будущий супруг? Это прописано в брачном договоре? – я сжала пальцами мягкую ткань платья и ощутила удушающую волну страха.

– Нет. Но я не собираюсь наживать себе проблемы от такого человека, если вдруг окажется, что ты нечиста.

Он говорил обо мне словно о дорогом товаре, ценность которого следовало подтвердить. А может, так и было?

– Вы прекрасно знаете, что это не так, – моя выдержка в очередной раз подвела меня. – Вам каждый месяц приходит отчет из пансиона как о моих оценках, так и о здоровье! Подобный факт от вас никто бы не скрыл!

«Как он мог так обо мне подумать?!»

– Но новый ведь еще не пришел, – недобро ухмыльнулся отчим.

– Я не позволю! – мой голос предательски дрогнул.

– Кто тебя будет спрашивать? – сказал он уже сурово и нахмурил брови.

– Тогда приведите женщину! – я вздрогнула, когда уперлась спиной в холодную стену.

– Никаких женщин не будет! Я доверяю только своему человеку. И прекрати уже эту истерику! Или тебе есть чего бояться? – его лицо покраснело, глаза налились кровью. Лэр Хотдженс шумно втягивал воздух.

– Мне нечего бояться! Я чиста! – я смотрела на него с неприкрытой ненавистью, затолкав страх на задворки сознания, но отчиму было все равно.

– Тогда вопрос закрыт! С минуты на минуту придет лира Тэйлана. Как только появится, приступайте, лэр Колиста. О результатах доложите незамедлительно. Я буду в своем кабинете, – отрывисто распорядился отчим и тяжелой поступью, переваливаясь с ноги на ногу, вышел из комнаты, оставив дверь распахнутой.

– Прошу вас, не надо, – с мольбой посмотрела на целителя, когда он сделал несколько шагов ко мне.

– Юная лира, я не причиню вам вреда, всего лишь удостоверюсь в вашей невинности, – заговорил он со мной слащаво-приторным голосом, от которого меня передернуло.

– Это унижительно! – мои глаза были полны слез. В какой-то момент я почувствовала, как они потекли по щекам.

– Я – целитель.

– В первую очередь вы – мужчина!

– Независимо от вашего или моего желания мне придется вас осмотреть. И советую вам не сопротивляться. Заклинания, конечно, хороши, но после них все тело кажется чужим, – он приблизился ко мне и вытер мокрые дорожки от слез сперва с одной щеки, а после и с другой, как маленькому ребенку. От его прикосновений в груди все содрогнулось.

– Уж лучше бы я ничего не чувствовала, – проговорила я надломившимся голосом.

– Ну что вы. Не стоит так убиваться. Вы все равно ничего не измените, а сделаете себе только хуже.

– Вы можете солгать ему, – я схватилась за очередную возможность изменить свою участь.

– Чтобы меня лишили диплома, если все окажется не так, как вы говорите? Да и лира Тэйлана будет свидетелем. Думаете, она не заметит, что я пренебрег указаниями лэра Хотдженса?

– Вы боитесь гнева моего будущего мужа или моего отчима?

– И того и другого. Это не займет много времени. Думаю, столь красивое платье лучше снять. Я позову служанку, чтобы она помогла вам переодеться.

– Скажите, вы знаете, кто мой жених? – бросила целителю вслед, когда он взялся за дверную ручку.

– Нет. Можете верить, можете не верить, но я правда не знаю, – в его голосе послышалось сочувствие, и мужчина вышел.

Эту процедуру в пансионе я проходила не единожды. Конечно же, она не была смертельной, но под пристальным взглядом Тэйланы, запретившей даже поставить ширму, да еще и проводившаяся мужчиной, оказалась весьма унижительной. Я искусала все губы в кровь. Едва они ушли, уткнулась лицом в подушку и заплакала. Я не позволила себе этого в присутствии мачехи, даже когда она неторопливо покидала комнату, мерзко и ехидно улыбаясь.

На улице уже смеркалось, когда впервые после столь ужасного поступка отчима ко мне постучалась служанка, чтобы уложить в саквояж мои скромные пожитки. А что у меня было? Всего-то дорожное платье, несколько великодушно предоставленных Тэйланой нарядов, риди-

кюль, пара ботиночек, любимый потрепанный томик любовного романа да кулон, переданный мне мамой за несколько дней до своей смерти.

Ужин принесли прямо в покои. Видимо, никто не желал лицеизреть меня за столом. Скорее всего, думали, что я устрою скандал. Неужели Хотджены и впрямь решили, что я опущусь столь низко, как они?

Я лежала в постели и перелистывала страницу за страницей так понравившегося мне романа. Едва дошла до момента побега героини из родительского дома, когда ее решили выдать замуж за нелюбимого, закрыла книгу и призадумалась. Пусть я никого и не любила, но ситуация с замужеством слишком нервировала. Да и в добродетель отчима, по воле которого мне довелось испытать столько горя, уже не верила. Так не пойти ли и мне на отчаянный шаг, подобно героине этого романа? Ну и что, что у меня всего пара медяков за душой. Мир ведь не без добрых людей, кто-нибудь да поможет. А мой титул – лишь приставка к имени, не более. Он никак не облегчал мою жизнь, а, наоборот, усложнял ее, накладывая на меня определенные обязательства.

Воодушевленная идеей, я выскользнула из кровати, быстро надела дорожное платье, ботиночки и тихонько приоткрыла дверь в коридор, погруженный в полумрак. Она открылась со скрипом, привлекая внимание того, кто стоял по ту сторону.

– Лира Айрис, что-то случилось? Позвать горничную? – раздался незнакомый грубый голос, и из темноты выплыл мужчина, который следовал за мной на протяжении последних двух дней.

– Нет-нет, все в порядке, – ответила с невозмутимым видом, сумев скрыть разочарование и горечь из-за сорвавшегося побега. – Мне послышались какие-то странные звуки, вот и решила посмотреть.

– Все в порядке. Можете спокойно отдыхать и ни о чем не волноваться. Я буду охранять ваш покой до утра.

Мужчина ясно дал понять, что шансов незаметно уйти по коридору у меня нет. Поблагодарив за заботу, заперла дверь и подошла к окну. До земли расстояние было приличным, но раз решила, надо идти до конца.

Я разорвала на несколько кусков простыню, пододеяльник и связала их между собой, а вот с покрывалом совладать не смогла, уж слишком плотной оказалась ткань. Закрепив подобие веревки на одном из столбиков кровати, налегла на нее всем своим весом, проверив тем самым на прочность. Результатом я осталась довольна.

Перебросив «веревку» через окно, начала спуск. Я уже добралась до первого этажа, когда заметила внизу странные тени. Пришлось замереть и понаблюдать за ситуацией. Их было четверо. Они о чем-то перешептывались, разглядывая особняк.

И тут случилось то, чего я так боялась: раздался треск ткани. Сперва еле слышный, но в ночи он показался оглушающим.

«Только не это!» – пронеслось в голове. Однако мои мольбы не были услышаны. «Веревка» была не столь прочна, как хотелось бы, и разорвалась на две части. Я с криком, взмахивая руками, словно могла взлететь, приземлилась на клумбу с цветами. Мой вопль спугнул странных визитеров. Они в мгновение перескочили через высокий забор, будто их никогда тут и не было. В окнах повсюду начал загораться свет.

Не теряя ни секунды, стараясь не думать о боли, я побежала за ними. Едва добежала до изгороди, ухватилась за каменный выступ и подтянулась вверх. Мои пальцы и носки обуви лихорадочно нащупывали мельчайшие зазоры в заборе. Карабкаясь по выступам и неровностям, я поднималась все выше. Оставалось совсем чуть-чуть до заветной свободы, когда пальцы соскользнули с очередного камня, оказавшегося слишком гладким. Я приготовилась к еще одной порции боли, однако вновь повстречаться с землей мне не довелось. Чьи-то сильные ладони схватили меня за талию и, словно пушинку, поставили на ноги.

Руки принадлежали все тому же охраннику, следовавшему за мной по пятам. Он покачал головой, крепко сжал мое запястье и, ничего не сказав, потащил в дом. Вырваться было бесполезно, поэтому проводила печальным взглядом деревья, росшие по ту сторону забора. А ведь мне оставалось совсем чуть-чуть...

Глава 2

Этот день все же настал! Я стояла перед зеркалом и с грустью смотрела на свое отражение. На мне было тончайшее кружевное белье, красивое голубое платье, под цвет моих глаз, и ярко-синий каплевидный кулон. Горничная сделала мне пышную прическу и нанесла легкий макияж, который скрыл следы бессонной ночи. Вместо фаты мою голову украшал венок из кремовых роз. Колючие шипы впивались в кожу и приносили много боли, внося дополнительные капли в море моих страданий.

Ровно в одиннадцать раздался стук в дверь и в комнату ворвался лэр Хотдженс в нарядном костюме, который едва ли не трещал по швам. Он безмолвно указал на выход. Я присела в реверансе, расправила плечи, гордо подняла голову и грациозной походкой прошла мимо него. Его тяжелый взгляд прожигал мне спину, когда он следовал за мной. Это пытка закончилась, стоило нам сесть в карету. Тэйлана чудом поместилась рядом со своим немаленьким мужем, а возле меня устроился все тот же надсмотрщик, и кучер тронул лошадей. Я смотрела в окошко, пока родительский дом не скрылся из виду. Смахнув одинокую слезу, попрощалась с местом, с которым было связано много светлых воспоминаний. Плохие же хотелось позабыть, выбросить из головы, как ненужный мусор. На протяжении всей дороги никто не проронил ни слова.

К полудню мы прибыли в храм. Солнце стояло в зените и, невзирая на середину осени, нещадно припекало. Пот градом лился по покрасневшемуся лицу отчима. Казалось, еще немного – и у него случится приступ.

Едва моя нога ступила на землю, лэр Хотдженс подал мне руку, которую пришлось принять. От страха сердце колотилось с бешеной скоростью, а ладони взмокли. Я нервно поглядывала то на вход в храм, то на черный роскошный экипаж с четверкой вороных жеребцов. Вероятнее всего, жених уже дожидается меня внутри. Как бы мне ни хотелось этого избежать, я здесь... и с минуты на минуту выйду замуж. Много раз за ночь после неудавшегося побега я представляла себе свое будущее, если бы не убили отца, если бы не умерла моя мама... Вот только это «если бы» очень сильно повлияло на мою судьбу.

Тэйлана вручила мне букет из пяти кремовых роз. На грани отчаяния, в сопровождении четы Хотдженсов и охранника я поднялась по широким мраморным ступеням и оказалась перед резными дверями, которые спешно распахнули лакеи в золотистых ливреях.

Я медлила, но отчим перешагнул через невысокий порог и увлек меня за собой. Двое мужчин о чем-то переговаривались у алтаря. Один из них повернулся, едва раздался скрип петель, а другой, тот, что повыше, продолжал стоять к нам спиной, опираясь обеими руками на трость. Меня распирало от любопытства, а он все оттягивал момент истины. У него явно была военная выправка, а темно-каштановые волосы лишь незначительно выбелены сединой, поблескивающей в свете магических светильников. Я облегченно выдохнула, обрадовавшись, что Омеле все привиделось. Но в этот момент мужчина обернулся. Я резко остановилась и сдержала крик лишь благодаря оцепенению, мгновенно охватившему все тело. Только теперь я поняла, почему отчим все это время скрывал имя жениха. Этого человека, как и его нрав, знала вся империя. Белая прядь начиналась у макушки и тянулась к правому виску – отличительная черта рода Тонли, но это был не Ламир. Ему я бы точно обрадовалась.

Синие глаза, так и не потерявшие яркости в силу возраста их владельца, казалось, заглядывали в самую душу, вытягивая на свет все ее темные стороны. От такого цепкого и холодного взгляда хотелось укрыться, спрятаться и больше никогда не вылезать из своего укрытия.

Бывший советник императора, лэр Аарон Тонли, стоял у алтаря и с нескрываемым интересом рассматривал меня, словно и вовсе видел впервые. Я же с трудом держалась на ногах, вымаливая у судьбы, чтобы это все обернулось дурным сном. А может, мне несказанно повезло

и он выступает поверенным сына? Но почему тот сам не приехал? Вспыхнувшую на миг крохотную надежду почти сразу отобрал отчим.

– Пойдем, Айрис, твой жених и так тебя уже заждался, – судя по интонации и произношению, лэр Хотдженс говорил, широко улыбаясь.

– Умоляю, нет. Только не он, – тихонько проговорила себе под нос. Возможно, если бы не музыка, доносившаяся со всех сторон, эти слова непременно бы эхом разлетелись по всему храму. Жених, которому на вид было около шестидесяти, нахмурил темные брови, и черты некогда красивого лица заострились, словно он услышал сказанные мной фразы.

Лэр Хотдженс сделал шаг вперед, а вот я – назад, пытаюсь вырвать свою руку, но отчим вцепился в нее мертвой хваткой.

– Прекрати! – прошипел мой опекун и с силой дернул за локоть.

– Что вы делаете? Прошу вас, пощадите, – с мольбой в голосе обратилась к отчиму, едва ли не тащившему меня по украшенному цветами проходу.

– Выдаю замуж любимую падчерицу, – с придыханием отозвался лэр Хотдженс, которому явно было нехорошо. Эта свадьба и невыносимо жаркий день могли довести отчима до гроба, однако, даже если так произошло бы, мне было бы его не жаль.

– Выберите кого-нибудь другого, умоляю.

– Возьми себя в руки и не позорь нас, – процедил он сквозь зубы. – Эта церемония – лишь формальность для храмовника.

Невзирая на мое сопротивление, лэр Хотдженс подвел меня, слегка подтолкнув, к будущему супругу, наблюдавшему все это время за моими жалкими попытками избежать нежеланного брака. Отчим вложил мою руку в ладонь жениха, оказавшуюся на удивление теплой и шершавой, и встал рядом со своей женой и моим охранником. Позади меня выросла преграда из трех человек. Видимо, на тот случай, если я все же брошусь в бега. Правда, скрип дверей и лязг засовов ясно дали мне понять, что деваться больше некуда.

Лэр Тонли-старший передал трость своему помощнику или же слуге и снова сосредоточил на мне свой пристальный взор. За каменным выражением лица невозможно было понять, о чем он думает. Правда, из-за нахлынувших слез перед глазами начало все расплываться и я не могла тщательно рассмотреть будущего супруга.

Музыка смолкла, и на минуту воцарилась тишина. Она давила и отдаляла неизбежное. Наконец, раздался громкий мужской голос, призывающий всех к вниманию и положивший начало свадебной церемонии.

– Мы собрались здесь, чтобы связать узами брака этого мужчину и эту... – заговорил храмовник, но его слова доносились до меня смутно.

Я пыталась собраться с мыслями, взять себя в руки. Зачастую мне это удавалось, но стоило взглянуть на жениха, как мое спокойствие и смелость куда-то улетучивались.

Прошло несколько мучительных минут, прежде чем служитель храма подал знак аристократу.

– Я, лэр Аарон Тонли, в присутствии собравшихся здесь свидетелей беру в законные супруги лиру Айрис Контана. Обещаю любить ее и оберегать от всех бед. Пусть это кольцо станет знаком моей любви и верности, – он говорил так, словно зачитывал очередное указание императора, которому прослужил не одно десятилетие.

Жених взял протянутую ему драгоценность и покрепче ухватился за мое запястье. Кольцо, оказавшееся не по размеру, мгновенно обвило палец после произнесенного лэром Тонли короткого заклинания. Помимо красоты, богатства и влияния в обществе этот древний род обладал огромной магической силой, которая являлась предметом зависти многих мужчин.

Настал мой черед давать клятву. Однако я боялась, что не справлюсь – в горле пересохло, пальцы дрожали, а сердце замерло от страха. Сколько раз в мечтах я видела день собственной

свадьбы? Наверное, их не счесть. Но даже в самом кошмарном сне я не могла представить, что стану женой такого человека. Можно было промолчать, отказаться произносить слова, что я собиралась сказать однажды любимому. Но что это бы изменило? По сути, ничего. Лишь вызвало бы гнев и недовольство супруга.

На миг закрыв глаза, сделала несколько глубоких вдохов и заговорила на удивление ровно и спокойно:

– Я, лира Айрис Контана, в присутствии собравшихся здесь свидетелей беру в законные мужа лэра Аарона Тонли. Обещаю...

– Хватит! – резко сказал он, отчего я вздрогнула и едва не выронила зажатое в правой ладони кольцо, врученное свидетелем со стороны жениха. – Заканчиваем со всем этим. Нам пора в путь.

У меня тотчас пропал дар речи. Я гулко сглотнула, стараясь избавиться от кома, появившегося в горле, едва заметно кивнула, спешно надела ему на палец драгоценность и убрала руки за спину.

– Как же так?! – изумленно воскликнул отчим. – Церемония ведь еще не закончилась!

– Все и так знают, что я вдовец. Лира Айрис по документам уже является моей женой. К чему этот спектакль? Только время попусту тратим! – с раздражением отозвался... муж. Внезапно он схватил меня за запястье, отчего я вздрогнула, и повернул лицом к мачехе и отчиму. – Лира и лэр Хотдженс, позвольте вам представить мою супругу, лиру Айрис Тонли. Прошу поприветствовать ее, как того требуют правила.

Тэйлана растерянно глянула на мужа, пришедшего в такое же недоумение, как и его жена. Однако тон, которым были произнесены слова бывшего советника императора, свидетельствовал, что он не потерпит неповиновения. Чета Хотдженсов, сопя и кряхтя от негодования, склонилась передо мной, как и остальные присутствующие в храме. От меня не укрылся полный ненависти и презрения взгляд мачехи, не ожидавшей такого поворота. Видимо, она надеялась, что мое замужество за таким человеком обернется выгодой для ее семьи, откроет новые двери в высшее общество, а на деле все оказалось совсем иначе.

Как только они выпрямились, лэр Тонли обратился ко мне, продолжая смотреть перед собой:

– Пойдем, дорогая. Мы и так здесь задержались, – в его голосе послышалась толика тепла, которое никогда не было присуще моему отчиму или мачехе.

Не проронив больше ни слова, он забрал у своего помощника трость и решительным шагом, увлекая меня за собой, двинулся к массивным резным дверям. Их спешно распахнули перед нами все те же лакеи в золотистых ливреях.

Я чувствовала на себе ненавидящие взгляды тех, кто должен был стать мне семьей, заменить родителей, так рано покинувших этот мир. Отчим же мало того, что отнял у меня счастливое детство, юность, отправив в пансион, так еще и выдал замуж за далеко не молодого человека, леденящий взор которого наводил ужас.

Лэр Тонли-старший несомненно внес большой вклад в развитие нашего государства: с его помощью четверть века назад император подавил кровопролитное восстание, нацеленное на свержение монарха. Каждый год именно по совету лэра Тонли-старшего в столице вот уже последнее десятилетие с целью демонстрации врагам силы и мощи нашей страны проводились военные парады. И они вселяли страх в сердца недругов. Ряд важнейших реформ, прошедших не так давно в империи, был отчасти его заслугой. Но бывший советник помимо ума славился и грозным характером. Лэр Тонли-старший не терпел неповиновения. Поговаривали, что он всего одним движением руки мог вырвать у человека сердце или же заморозить его взглядом. Так ли это на самом деле, я не знала, но личность могущественного мага давно окружали жуткие легенды. И этот мужчина, о котором столько была наслышана, чьим именем в пансионе пугали девушек по ночам, стал моим мужем. По сути, я перешла из-под опеки одного тирана

к другому. Однако если от отчима уже знала, чего ожидать, то с бывшим советником мне еще предстояло познакомиться.

Едва мы оказались на улице, лэр Тонли повернулся ко мне.

– Сними ты этот дурацкий веноч, – раздраженно бросил он.

Не дождавшись, пока я сделаю все сама, мужчина выдернул «украшение» из волос и выбросил его в урну, куда вдогонку отправился и свадебный букет из пяти кремовых роз.

Я вздрогнула от неожиданности, что не укрылось от моего супруга. Но он никак не отреагировал, а сосредоточил внимание на вышедшем вслед за нами помощнике.

– Генри, проследи, чтобы в книгу была внесена запись о браке, и пусть храмовник немедленно выпишет свидетельство. Не хочу потом лишних проблем.

– Сейчас все будет сделано, лэр Тонли.

Мужчина поклонился и снова скрылся в храме, а я, потупив взгляд, дожидаясь указания мужа. Только теперь, под лучами солнца, чувствуя приятное тепло, осознала, насколько замерзла. А может, это все из-за нервов?

– Ты уже собрала вещи? – обратился ко мне маг. В его голосе не было той холодности, с которой он разговаривал с четой Хотдженсов, однако рядом с ним мое сердце заходило от стука. Быстро кивнув, продолжила разглядывать туфельки.

– Айрис, когда я с тобой разговариваю, изволь смотреть мне в глаза. Я не император, который дает на то разрешение, а твой муж, – я подняла голову и несмело посмотрела на мага. – И где они?

– В карете, лэр Тонли.

– Лэр Тонли? – беззлобно усмехнулся мужчина, которого, видимо, рассмешили мои слова, и я залилась румянцем. – Айрис, для тебя я больше не лэр Тонли, а Аарон. Независимо от твоего желания, тебе придется привыкнуть так называть меня. Скажи, не покажется ли другим странным, что жена называет своего мужа не по имени, когда они разговаривают между собой? В глазах людей мы должны выглядеть счастливой семейной парой. Даже если будет иначе.

– Да, лэр... – я осеклась и сжалась внутренне, приготовившись к гневу с его стороны, но он лишь спокойно произнес:

– Придется потренироваться.

Не проронив больше ни слова, супруг спустился к роскошной карете, на дверце которой красовался фамильный герб известного всем рода Тонли, и дал короткое указание кучеру. После чего тот без промедления направился к экипажу четы Хотдженсов. Как оказалось, за моими вещами. От меня не укрылось недовольство бывшего советника, когда он увидел мои скромные пожитки, поместившиеся в небольшой саквояж. Его плечи напряглись, костяшки пальцев, сжимающих трость, побелели, а на скулах заиграли желваки. Однако продлилось это недолго. Пара мгновений – и на его лице появилась привычная маска равнодушия.

– Все готово, лэр Тонли, – проговорил вернувшийся к тому времени помощник мужа и передал ему лист бумаги, перевязанный красной лентой.

– Отлично, тогда выдвигаемся, – это было сказано громко, чтобы услышала не только я, но и чета Хотдженсов, стоявших у входа в храм.

Они спешно подошли к нам, чтобы с заискивающими улыбками попрощаться с молодоженами и пожелать им долгих лет счастливой семейной жизни и много красивых и умных детишек.

Несомненно, Тэйлана заговорила о них неспроста. Она пыталась уколоть меня, да побольнее. И ей это удалось. Стоило подумать о предстоящей брачной ночи, как все тело охватила дрожь. Я в панике начала покусывать губы и коситься на своего супруга. Он словно почувствовал мое состояние и подал знак кучеру, который торопливо распахнул перед нами тяжелую

дверцу кареты. Бывший советник подал мне руку, помог взобраться в богатый экипаж, а сам устроился на противоположной скамейке, обитой красным бархатом.

Несмотря на возраст, лэр Тонли находился в прекрасной физической форме. Ему не понадобилась помощь слуги, чтобы подняться по узким ступенькам. В то время как отчима едва ли не заталкивали в карету, хотя он был на десять лет моложе моего супруга.

Едва за нами закрылась дверца, раздался выкрик кучера и лошади тронулись с места. Я отодвинула шторку, чтобы посмотреть на отчима и мачеху, махавших нам вслед. На их лицах была такая безграничная печаль, словно они расставались с собственной дочерью, а не с неугодной падчерицей. Тэйлана так еще и напускные слезы платочком вытирала. Хороша актриса, ничего не скажешь. Прощальный взгляд – и экипаж завернул за угол. В душе теплилась надежда, что мне никогда больше не доведется с ними увидеться. Меня ждала новая жизнь. Вот только какой она окажется, я не могла пока даже предположить.

Я смотрела на вереницу роскошных домов, расположившихся вдоль улицы, по которой мы проезжали, на позолоченные осенью кроны деревьев, богато одетых женщин, прогуливающих под руку со своими кавалерами, только бы не встретиться глазами с лэром Тонли, чей взгляд отчетливо ощущала на себе.

Прошло несколько минут, прежде чем маг нарушил молчание.

– Айрис, я задам тебе пару вопросов и хочу услышать честные ответы, – голос мужа заставил меня прекратить созерцание окрестностей и посмотреть на него. Я помнила о его требовании и не хотела лишний раз вызвать недовольство супруга. – Ты знала, кому была обещана в жены?

– Нет.

– То есть ты не ожидала увидеть меня в храме? – он подошел к этой теме с другой стороны, будто не поверил мне. Я отрицательно покачала головой и хотела попросить прощения за неподобающее поведение, но не осмелилась, заметив злость, промелькнувшую в синих глазах. – Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо, – его очередной вопрос меня озадачил, поскольку не понимала, к чему он клонит.

– Сможешь перенести ночной переезд? Или стоит сделать остановку в гостинице?

Едва подумала, что мне придется остаться с ним наедине в комнате уже этой ночью, кровь отхлынула от лица, а пальцы стали комкать наряд.

– Нет-нет! Если надо, я и два, и три дня могу обойтись без сна, – заговорила быстро, желая отдалить неизбежное. Лэр Тонли усмехнулся, словно понял, чем вызвана моя пылкость, но уже через мгновение его лицо стало серьезным.

– Тогда не будем тратить драгоценное время. У нас его не так много... – еле слышно проговорил он и уставился невидящим взором перед собой.

Мы ехали в полной тишине не один час. Супруг сидел с задумчивым видом и лишь изредка бросал на меня мимолетные взгляды. Я же была благодарна ему за царившее в карете молчание. Мне требовалось время, чтобы привыкнуть к его обществу, силе, исходящей от мужа, голосу... Внутренний тугой узел, завязавшийся еще в начале поездки, потихоньку стал расплетаться. Пока лэр Тонли усердно о чем-то размышлял, я рассматривала то фамильный герб, висевший над головой мужчины, то его самого, конечно же, из-под полуопущенных ресниц. В свои шестьдесят бывший советник выглядел очень даже неплохо, если вспомнить известных мне мужчин его возраста. Однако то, что мой муж немолод, выдавала не только седина, появившаяся в волосах и широких бровях, но и сеть пока еще не очень глубоких морщин на лбу, щеках, вокруг глаз и уголков рта. Нет, лэр Тонли не был безобразен, но и не вызывал симпатии. В голове не укладывалось, как я смогу его полюбить. Видимо, придется жить по принципу «стерпится – слюбится».

Поздним вечером, когда солнце уже село за горизонт, а луна лишь несмело решила показаться на глаза, мы остановились у небольшой гостиницы. Мой муж позвонил Генри, который всю дорогу ехал на козлах, и распорядился, чтобы он позаботился об ужине. Вскоре лэр Тонли и сам вышел на улицу. Мне же было велено сидеть в карете и дожидаться дальнейших указаний. Едва я осталась одна, начала разминать затекшее тело. В присутствии бывшего советника я боялась даже заговорить, не то что пошевелиться.

Спустя полчаса дверца экипажа открылась и муж подал мне знак, что можно выходить. Опираясь на его крепкую руку, я спустилась на землю и вдохнула прохладный вечерний воздух. Осень с каждым днем все больше давала о себе знать. Еще немного – и первые кристаллики льда начнут появляться поутру на пожухлой траве. Я не любила зиму, ведь на каникулах приходилось возвращаться в родительский дом, где меня никто никогда не ждал. Однако, едва заканчивались праздничные дни, я уезжала в пансион, чтобы на целый год позабыть о существовании Хотдженсов. Куда же бежать теперь?

Еду нам подали не в общий зал, а в небольшую комнатку, снятую лэром Тонли. Умопомрачительные запахи вмиг напомнили, что я со вчерашнего вечера ничего не ела. Отбросив боязнь и стеснение, с аппетитом начала поедать куриную ножку с румяной и хрустящей корочкой.

Я чувствовала на себе заинтересованный взгляд женщины, обслуживавшей нас. Однако к этому следовало привыкать. Рядом с таким мужчиной отныне я всегда буду удостоена не только внимания, но и грязных шуточек, которые никто не осмелится сказать мне в лицо, ибо побоятся гнева моего супруга, по-прежнему имевшего огромное влияние в обществе.

Утолив голод, я переделалась в дорожное платье, переобулась в поношенные ботиночки, достала любимый потрепанный томик и аккуратно уложила в саквояж свадебный наряд. Теперь снова можно было отправляться в дорогу. Лэр Тонли тем временем учтиво дождался меня на улице.

Вскоре мы продолжили путь. От ощущения полного желудка и тепла пледа, которым укутал муж, меня быстро сморило. Этот сон стал спасением от тревожных мыслей, неустанно роившихся в голове. Поведение супруга сильно беспокоило. На ослепленного любовью он не похож, наследник у него уже имеется. Тогда что им движет? Зачем настолько влиятельному человеку жениться на никому не угодной сиротке? Интересно, что меня ждет по приезде в его владения?

* * *

Я проснулась, когда солнце только начинало неторопливое восхождение на свое законное место на небосводе, прогоняя прочь холодную луну. В карете было темно, и лишь тихое и размеренное сопение напомнило мне, что я не одна. Вскоре лэр Тонли зашевелился, лишив меня возможности понаблюдать за ним во сне.

Когда в экипаже стало достаточно светло, я погрузилась в чтение, хотя эти строчки уже давным-давно были мне знакомы.

– Айрис, расскажи о своих родителях, – внезапно заговорил лэр Тонли. К этому времени я уже дошла до середины любимой книги.

Глубоко вздохнув, закрыла томик и подняла глаза на супруга.

– Что именно вам хотелось бы узнать? – мой голос на удивление не дрогнул. Когда-то зародившийся страх перед ним медленно начал отступать.

– Все, – он слегка склонил голову набок, приготовившись к моему рассказу.

– К сожалению, я мало что о них помню. Родители достаточно рано умерли: папу убили в пьяной разборке, когда мне было четыре года, а мама скончалась от сердечного приступа, едва я отпраздновала восьмой день рождения.

– Что было дальше?

– А дальше отчим подыскал мне пансион и отправил учиться, – я не смогла выдержать пристального взгляда супруга и стала разглаживать складки на изрядно помятом платье.

– В учреждение, где готовят безвольных кукол для богатых аристократов? – он вопросительно приподнял бровь, и я еле слышно прошептала:

– Да.

Это было именно так. С первого дня в пансионе нам вкладывали в головы, что мы должны безропотно принять любого, кого выберут в мужа родители или опекуны, всячески почитать его и уважать.

– Тебе ведь есть уже восемнадцать, – пусть это было утверждение, а не вопрос, я кивнула. – Почему ты не вступила в права наследования? Неужели твоя мать не позаботилась о завещании?

Воспоминание об одном из злополучных дней мгновенно всплыло в сознании, и я часто заморгала, чтобы не полились подступающие слезы. Лэр Тонли напряженно смотрел на меня, ожидая ответа.

– Я долгое время не задавалась этим вопросом. Мне ведь было всего восемь, когда осталась круглой сиротой. Но однажды, приехав с очередным визитом в родительский дом, я решила спросить об этом у отчима, – с каждой секундой мои слова звучали все тише. В какой-то момент крупные слезы все же покатались по щекам. Я торопливо вытирала их платком, но они все текли и текли.

– Что произошло тогда, Айрис? – мягкость лэра Тонли лишь усугубила ситуацию, и тишину в карете взорвали звучные рыдания. – Айрис!

Я не хотела признаваться, но устоять под напором его голоса и магии, которую бывший советник влил в мое тело одним касанием руки, не смогла.

– Отчим ударил меня по лицу с такой силой, что я упала... Хотела подняться... но он не позволил... продолжил бить ногами. Кричал, что я неблагодарная дрянь... моя мать не оставила мне ни медяка... и вместо того, чтобы благодарить его за обучение, которое ему обошлось в приличную сумму... за то, что не выбросил меня на улицу, я посмела заикнуться о каких-то деньгах.

– Вот же тварь!

– С тех пор я больше не упоминала про завещание, – ответила, перестав громко всхлипывать. – А у его поверенного тоже не имело смысла спрашивать. Он бы ни за что не признался, как обстоят дела на самом деле. Денег же на разбирательства у меня нет, да и никогда и не было.

– А другие родственники? Почему они за тебя не заступились?

– У меня нет других родственников, – без промедления отозвалась я.

– Ни двоюродных братьев, ни сестер, ни дяди, ни тети? – его брови сошлись на переносице от удивления. Но это озадачило и меня. Неужели такой влиятельный и дальновидный человек не соизволил узнать о моем происхождении?

– Отец был последним мужчиной из рода Контана. Какая-то болезнь выкосила всю их небольшую семью. Мама говорила, что папа часто упрекал ее в том, что она оказалась не в состоянии подарить ему наследника. Но после меня она не могла больше иметь детей. Что-то пошло не так во время моего рождения...

– И твой отчим знал об этом?

– Думаю, да. Мама была открытым человеком, она не стала бы от него такое скрывать.

– Но он на ней женился... – озадаченно произнес лэр Тонли. – Сколько ей было, когда она умерла?

– Тридцать.

– Тридцать?! Сердечный приступ у столь молодой женщины – редкость в нашей империи. Она жаловалась на боли в груди?

– Да. За несколько месяцев до смерти мама начала все реже выходить со мной в парк, все чаще оставалась в комнате, говорила, что плохо себя чувствует.

– Ты уверена, что она скончалась от сердечного приступа? – немного подумав, спросил лэр Тонли, заинтересовавшийся смертью моей матери.

– Так говорил отчим, – я пожала плечами. Мысль о причастности опекуна к ее смерти не раз приходила в голову. Однако по прошествии стольких лет разве что-нибудь докажешь?

– А что сказал целитель? – бывший советник прищурил один глаз и снова склонил голову набок.

– Мне не известно. Отчим беседовал с ним в кабинете.

– Ясно. Думаю, Ламиру следует заняться этим делом. Но сперва стоит пережить бурю. Большую бурю... – супруг тяжело вздохнул и уставился в окошко. Только я собралась задать вопрос, о какой буре лэр Тонли ведет речь, как он вновь сосредоточил свое внимание на мне: – А что насчет родственников со стороны матери?

– Она никогда о них ничего не рассказывала. Или же я просто позабыла. Честно говоря, не могу вспомнить даже ее девичью фамилию, хотя она пару раз называла. Тера... Тора... – я сделала несколько попыток, только ничего не вышло. – Нет, не вспомню. Однако у нас никогда не гостили ее родные. Даже писем от них не приходило. Я просила как-то отчима рассказать что-нибудь о маме, но он лишь отмахнулся и сказал, что его не интересовало ее прошлое.

– А что за книгу ты читаешь? – он резко сменил тему. Видимо, та ему наскучила.

– Любовный роман, – я густо покраснела, потупила взгляд, но резко спохватилась. – Прошу вас, только не подумайте ничего плохого, я не ветреная! Просто эта книга очень дорога мне.

– Чем же? – уголки его губ слегка приподнялись вверх.

– Мама любила эту книгу. Когда же я беру ее в руки, листаю страницы, к которым и она когда-то прикасалась, мне кажется, что я по-прежнему чувствую ее тепло. На душе в такие моменты становится намного легче, – из-за воспоминаний о матери, которой много лет уже нет в живых, вновь нахлынули слезы. Я быстро промокнула платочком предательскую влагу в глазах, не желая лишний раз показывать слабость.

– Не плачь, моя дорогая! Верь, скоро все наладится, – супруг пересел ко мне и приобнял за плечи. Я напряглась. Мне потребовалась не одна минута, чтобы расслабиться рядом с ним. Однако лэр Тонли не предпринял больше никаких попыток ни заговорить со мной, ни проявить еще хоть толику нежности.

А я и так что-то слишком разболталась, хотя никогда не считала себя любительницей говорить без умолку, как Молли. Подруг, конечно же, не хватало, но в жизни произошли серьезные изменения. Отныне я была не Айрис Контана, а Айрис Тонли. И следовало соответствовать новой фамилии, раз мне довелось стать частью этого древнего рода.

* * *

Мы сделали пару остановок в небольших городах, чтобы дать отдых лошадям, а заодно и самим подкрепиться. Около восьми вечера карета свернула с накатанной дороги и понеслась по более ухабистой. Под колесами захрустел гравий. Я поняла, что осталось совсем немного – и мы прибудем в фамильный замок рода Тонли. Сердце замерло от страха, однако открывшийся из окошек вид завораживал, заставив позабыть обо всем на свете.

Я неустанно любовалась могучими деревьями, красивыми ухоженными полями, ровно подстриженными лугами. И пусть пыль залетала в карету, муж так и не попросил задернуть шторы.

Вскоре начали вырисовываться светло-серые стены и башни замка, возвышающегося на пригорке. Три темно-синих флага с таким же гербом, что и на дверцах экипажа, трепыхались

на ветру. Полотно едва ли не сливалось с небом, оставляя лишь золотые и серебряные нити на нем сиять в лучах закатного солнца.

Почувяв знакомый запах моря, я списала все на игры разума, однако с каждой минутой он ощущался более отчетливо. Воздух был пропитан солью, и я, закрыв глаза, с наслаждением вдохнула его полной грудью. Тело в один миг будто наполнилось живительной силой. И это привело меня в неопишуемый восторг. Захотелось высунуть голову из окна, подставить лицо приятному ветерку, но нельзя было забывать о правилах приличия.

Карета быстро взбиралась вверх по склону. Она пронеслась мимо чудесного парка, въехала в величественные ворота и остановилась у широкой лестницы. Кучер отворил дверцу, и лэр Тонли первым спустился на землю, а следом за ним и я. Супруг подставил мне локоть, за который я без колебаний взялась, и неторопливо двинулся к парадному входу. Двое слуг в темно-синих ливреях, стоявшие у массивных дверей парадного входа, распахнули их, едва мы ступили на мраморную с черными и белыми вкраплениями ступеньку.

Стоило перешагнуть порог и оказаться в светлом холле с высоким потолком, как неизвестно откуда появился дворецкий в черно-золотой ливрее. Это был статный мужчина приблизительно того же возраста, что и супруг. Он почтительно поклонился и громогласно заговорил:

– С возвращением, господин!

– Спасибо, Дилар. Хочу представить тебе мою супругу, лиру Айрис. Прошу любить ее и почитать. Отныне она хозяйка в этом доме.

На миг слуга опешил, в его глазах читалось смятение, но вскоре он снова поклонился и заговорил льстивым голосом:

– Позвольте выразить мои поздравления по такому знаменательному событию, как свадьба.

– Благодарю. Мой сын еще не приезжал?

– Нет, господин.

– Чудесно... – задумчиво протянул бывший советник. – Значит, у нас еще есть время.

Но, чует мое сердце, завтра он примчится, – лэр Тонли усмехнулся, окинул меня взглядом и обратился к дворецкому: – Дилар, я и моя супруга очень устали с дороги. Позаботься, чтобы приготовили комнату для лиры Айрис рядом с моей. Ту, что в сиреневых тонах.

От этого указания у меня по спине побежал холодок, и я начала нервно крутить на пальце обручальное кольцо.

– Сейчас все будет сделано, господин! – дворецкий поклонился и уже собирался нас покинуть, как супруг отдал ему еще несколько распоряжений, одним из которых, несмотря на позднее время, было подать через час ужин.

– Остальной прислуге я представлю тебя завтра. Заодно и горничных себе выберешь. Сейчас же, пока у нас есть время, пойдем, дорогая, прогуляемся по замку. Осмотришь свои владения.

Несмотря на усталость в ногах, желание принять ванну и поскорее прилечь, я кивнула.

Лэр Тонли снова подал мне руку, и мы направились по длинному коридору с анфиладой комнат. Повсюду царил роскошь. Изобилие позолоты, хрустальных люстр, лепнины и фресок на потолках, дорогой мебели из красного дерева заставляло меня ходить, едва ли не разинув рот. Мы прошли по первому этажу, затем поднялись на второй, на котором и располагались комнаты хозяев, а еще один, третий, решили оставить на завтра, так как к тому времени были подготовлены мои покои.

Выделенная мне комната оказалась, наверное, самой восхитительной из тех, что я успела увидеть. Она была выполнена в любимых сиренево-фиолетовых тонах. Не думаю, что лэр Тонли знал о моих вкусовых предпочтениях. Вероятнее, случайное совпадение, но мой глаз радовался, глядя на эту непередаваемую красоту: большую кровать с балдахином и бледно-сиреневым покрывалом, кресла с резными ножками, кушетку, туалетный столик с банкет-

кой, огромный камин. За одной из дверей обнаружилась гардеробная, состоящая из платяного шкафа, встроенного в стену, огромного зеркала в полный мой рост; за другой – ванная комната. Здесь имелись все удобства, о которых только можно мечтать. Но восхищение быстро сменила тревога. То, что соседние покои занимал супруг, было вполне естественным, но этот факт заставлял меня сильно нервничать.

Я приняла ванну, которая также была наполнена к моему приходу, надела одно из платьев, выделенных мне Тэйланой, заплела по привычке волосы в тугую косу и спустилась в обеденный зал. Там меня уже дожидался лэр Тонли. Он прошелся по мне оценивающим взглядом, однако ничего не сказал относительно моего внешнего вида.

Ужин закончился довольно-таки скоро. Я старалась сосредоточиться на еде, но все мои мысли занимала предстоящая брачная ночь. Даже нежнейшая говяжья вырезка сейчас казалась безвкусной.

Вернувшись в покои, надела тонкую сорочку, потушила магические светильники и забралась в теплую кровать. Я не успела сомкнуть глаз, как раздался скрип двери и тонкая полоска света из коридора проложила дорожку к кровати. Мои резко похолодевшие пальцы судорожно вцепились в край одеяла и подтянули его до подбородка. Я боялась лишний раз вздохнуть. По всему телу прошелся озноб. Казалось, от тепла в постели не осталось и следа. Он все же пришел... Видимо, лэр Тонли решил получить то, что отныне ему принадлежало по праву, – мою невинность.

Раздался звонкий щелчок пальцев, и зажегся неяркий свет. Супруг, одетый в черный шелковый халат длиной чуть ниже колена и с золотой вышивкой на груди, обутый в мягкие тапочки, смотрелся весьма непривычно. От одного взгляда на мужчину сердце с такой силой заколотилось о ребра, что оглушительный стук, казалось, был слышен даже в коридоре. Липкий холодный пот проступил вдоль позвоночника. Я с трудом сдерживалась, чтобы не сбежать в ванную комнату и не остаться там до рассвета.

Лэр Тонли молча обошел кровать, откинул одеяло с противоположной от меня стороны, и спустя мгновение матрас прогнулся под его весом. В комнате повисла звенящая тишина. Мужчина лежал, не двигаясь, а я боялась даже посмотреть на него.

– Айрис, послушай меня очень внимательно. Никто, слышишь, никто не должен знать о том, что сейчас произойдет! Тем более мой сын. Как бы Ламир на тебя ни давил – а это он, поверь, очень хорошо умеет делать, – ты должна до последнего стоять на своем. Все, что я ни делаю, – для твоего же блага, – последняя фраза прозвучала так мягко и вкрадчиво, что захотелось ему поверить. Но пока не могла – слишком много людей уже успело причинить мне боль.

Я повернула голову и в недоумении взглянула на мужа. Однако вместо того, чтобы объяснить что-либо, он протянул руку к моим пальцам, которыми я по-прежнему крепко сжимала край одеяла, медленно и аккуратно разжал их один за другим и отнял у меня спасительную соломинку.

– Тшш... Ничего не бойся, Айрис, я не причиню тебе вреда. Вспомни, дорогая, я ведь уже говорил: все должны поверить в истинность нашего брака. И слуги входят в их число. Ни у кого даже на мгновение не должно возникнуть сомнений, что этот союз ненастоящий.

От напряжения во всем теле мышцы ныли от боли. Мне с трудом удалось перевести дыхание и немного расслабиться. Однако полностью не смогла – я все еще не понимала, что он собирается предпринять.

Внезапно лэр Тонли отбросил одеяло в сторону. Оставшись без укрытия, я тотчас приподнялась на локтях и быстро начала отползать назад. Едва уперлась спиной в изголовье кровати, прижала ноги к груди, поправила задравшуюся ночную рубашку и обхватила колени руками. Уже через секунду я поняла глупость своих действий, но тогда мной руководили лишь эмоции, а не здравый смысл. Бывший советник же, казалось, не обратил на меня никакого

внимания. Он снял висевший у него на шее черный заостренный книзу кристалл и, даже не поморщившись, разрезал им ладонь. Кровь мгновенно выступила из раны. Лэр Тонли сжал руку в кулак и поднес ее к тому месту, где еще мгновение назад я лежала. Алые капли падали на белоснежную простыню и расплывались по ней, превращаясь в небольшое пятно. Я озадаченно смотрела то на него, то на супруга. До моего возбужденного разума медленно дошло, что он вознамерился создать видимость консумации. Но зачем?

Вскоре маг разжал пальцы и зашептал какое-то заклинание. Края раны начали постепенно затягиваться, и через минуту от пореза не осталось и следа. Это стало для меня очередным потрясением. Раньше такого мне встречать не приходилось. Хотя что я знала о магах, к тому же таких могущественных, как лэр Тонли? Практически ничего.

– Ложись, моя дорогая, – голос супруга, прежде наполненный силой, теперь звучал непривычно глухо. Его лицо побледнело, а морщины, казалось, залегли гораздо глубже.

Немного помедлив, я последовала его совету, и бывший советник укрыл меня одеялом, но сам никуда не ушел. Он лежал рядом, на спине, уставившись в потолок. Что-то явно не давало ему покоя.

– Почему вы не дали мне договорить брачную клятву? – осмелилась спросить, хоть голос и дрогнул.

– Тебе восемнадцать, а я скоро отпраздную шестьдесят второй день рождения. Какая может быть клятва в любви и верности до гроба? – лэр Тонли горько усмехнулся. – Все мое время, Айрис...

– Зачем тогда мне помогаете? Вы знали моего отца?

– Нет, Айрис, не знал.

– А может быть, ма... – договорить я не смогла.

– Спи, дорогая, нас завтра ждет очень тяжелый день.

Он щелкнул пальцами, и комната погрузилась в полумрак.

Похоже, ответов лэр Тонли давать пока не собирался. Потребность бывшего советника в браке, являвшемся отчасти фарсом, так и осталась для меня загадкой.

Я устроилась на краешке кровати, положила под щеку обе руки и закрыла глаза. Моя интуиция подсказывала, что как минимум этой ночью я могу спать спокойно и супруг, дарованный мне судьбой, сдержит данное им слово.

Глава 3

Проснулась я по привычке рано. Годы, проведенные в пансионе, давали о себе знать. Но так сладко мне уже давно не спалось. Матрас был мягким, одеяло теплым, а от подушки исходил приятный запах лаванды. Он успокаивал, окутывал тонким ароматом, от которого сознание быстро погружалось в дрему.

Потянувшись, перевернулась на левый бок. С другой стороны кровати никого не оказалось. Лишь примятая подушка напомнила, что лэр Тонли находился в этой комнате, когда сон забирал меня в свои объятия.

Я легла на спину и долго смотрела невидящим взором на лепнину, украшающую потолок, вновь и вновь прокручивая в памяти события прошлой ночи, анализировала сложившуюся ситуацию, но так и не смогла найти ответ на тревоживший меня вопрос. Пока все казалось какой-то бессмыслицей. Однако я дала себе зарок докопаться до истины, ведь не мог такой человек делать что-то безвозмездно... У всего в этом мире есть своя цена.

Едва встала с кровати, умылась и попыталась сама справиться со шнуровкой на платье, но она не собиралась мне поддаваться. Благо в это время пришла служанка, которая и вчера помогала со сборами к ужину. Она мило улыбалась, но в темно-карих глазах читалось истинное отношение их владелицы к новоиспеченной лире Тонли.

Пока я укладывала волосы, доходившие до пояса, женщина взялась приводить в порядок кровать. Я заметила, как служанка застыла с одеялом в руках, успела уловить брошенный на меня растерянный взгляд. Мои щеки вмиг запылали от смущения. Несомненно, она подумала о том, чего так добивался лэр Тонли. Не пройдет и часа, как об этом будет известно и остальной прислуге. Тактика моего супруга сработала, и теперь никто не посмеет усомниться в законности нашего брака.

Быстро справившись с прической, покинула комнату и отправилась на поиски мужа. Он сидел в столовой и пил воскресный кофе.

– Доброе утро, дорогая! – как только я приблизилась к нему, мужчина встал из-за стола и поцеловал меня в щеку. – Как спалось?

– Спасибо, просто чудесно, – я выдавила из себя улыбку и заняла место по правую руку от него.

В тот момент, когда слуга потянулся за заварником, чтобы налить мне кружку чая, я расслышала стук каблуков о мраморный пол. С каждой секундой он становился все громче. Кто-то явно торопился. Я бросила вопросительный взгляд на лэра Тонли, но на его лице уже появилась знакомая маска отчужденности, а на скулах заиграли желваки. Пара мгновений – и перед нами появился покоритель женских сердец.

Ламир Тонли был немного выше своего и без того немаленького отца. Ярко-синие глаза в обрамлении черных ресниц оказались такими же выразительными, как их рисовали на миниатюрах. Вот только взгляд, который дознаватель переводил с меня на своего отца, был холодным и пронизывающим и разительно отличался от изображенного на портрете, за который так боролась Молли. Слегка вьющиеся волосы были взъерошены, словно он не раз запускаял в них пальцы. Черная рубашка и узкие штаны, заправленные в высокие сапоги из мягкой кожи, подчеркивали стройность его тела. Элегантная едва заметная бородка и усики придавали ему мужественности. В действительности Ламир Тонли оказался еще красивее, чем о нем рассказывали.

– Отец! Как же я по тебе соскучился! – разлетелся по столовой звучный низкий голос главного дознавателя империи. Однако разница между словами и взором была очевидна. Он подошел к столу и устроился по левую руку от лэра Тонли, сохраняющего прежнюю невозмутимость.

– Вижу, сын мой. Поди, так торопился меня увидеть, что все лошади в мыле, – усмехнулся супруг, отрезал ложкой яблочный пудинг и подал свободной рукой слугам знак удалиться. – Что привело тебя в столь ранний воскресный час? Ты же никогда не делаешь ничего просто так.

– Знаешь, эта черта характера у меня от тебя, – проговорил Ламир с улыбкой на губах упрек и налил себе чашку кофе. – Какие новости?

– Какие тебя интересуют? Последние? Или все за те восемь месяцев, что ты не приезжал и даже не отвечал на письма? – муж отправил десерт в рот, продолжая впиваться взглядом в сына.

За обычными словами обоих Тонли отчетливо слышался сарказм и... воинственный настрой. Похоже, зарождалась гроза... Ведь никто из них не собирался уступить.

– Не познакомишь меня со столь прелестной юной лирой, которая скрашивает тебе это чудесное утро?

– Лира Айрис Тонли, – невозмутимым тоном проговорил супруг.

– Хм... – дознаватель подпер подбородок рукой и посмотрел на меня прямо своими ледяными глазами. Вмиг захотелось сжаться, стать маленькой и незаметной, раствориться в воздухе. Мне едва удавалось держать осанку и маску, которую научилась надевать благодаря пансиону. – Тонли? Двоюродная сестра? Тетушка? Что-то не припоминаю такого имени в нашем роду.

– Не ломай комедию, Ламир! Ты прекрасно знаешь, кем она мне приходится. Уж твои псы наверняка давно все донесли.

– И кем же? – широкая черная бровь дознавателя вопросительно взлетела вверх, но ее обладатель не переставал буравить меня цепким взглядом.

– Женой!

– Так мне ее мамой теперь называть, что ли? – ухмылка в один миг превратилась в звериный оскал.

– Не говори ерунды, – костяшки пальцев на руке, которой лэр Тонли держал ложку, побелели. Он прилагал немало усилий, чтобы сдержаться.

– Скажи, как ты посмел? – Ламир отбросил в сторону показную доброжелательность и значительно повысил и без того громкий голос. – Ты даже не дождался окончания траура! Хотя о чем это я... Ты ведь и на ее похоронах не удосужился появиться!

– Ты прекрасно знаешь, что я не мог! – выдержка лэра Тонли-старшего пала, как замок при осаде.

– И где ты был в это время? – очередная ехидная ухмылка появилась на губах дознавателя.

– Я был за тысячи километров отсюда и решал государственные дела!

– А тебя никогда не было рядом, когда был ей так нужен! Про себя я и вовсе молчу. Это ты должен был вложить ей в руку золотник, а не я! Ты должен был проводить ее в последний путь! Хоть бы постыдился, сделал вид, что тебе не все равно, что с ней стало.

– Я уважал твою мать.

– Но никогда не хранил ей верность.

– Какое право ты имеешь так со мной разговаривать? Упрекать? Вмешиваться в мою личную жизнь? – бывший советник резко встал из-за стола, отчего тяжелый стул опрокинулся и отлетел на добрый метр.

– Ты прав, никакого! Как и ты в мою! Однако я все равно это так просто не оставлю: буду придираюсь к каждой буквке в записи храмовников, проверю достоверность свидетельства. Я сделаю все, что в моих силах, но добьюсь аннулирования брака. Приятного всем аппетита! Хотя и не прощаюсь. Я непременно вернусь!

Ламир бросил на меня еще один испепеляющий взгляд, вытер губы салфеткой и вылетел из столовой. Я с сожалением посмотрела на побледневшего мужа, опершегося ладонями о стол, едва мы остались одни. Чувствовало мое сердце, впереди нас ждали «веселые» деньки.

Прошла, казалось, целая вечность, прежде чем лэр Тонли-старший отдышался, поднял стул и продолжил пить кофе как ни в чем не бывало. Мне же так и не удалось совладать с волнением до конца завтрака, который дальше проходил в полной тишине. Видимо, мои десять лет обучения в пансионе были ничто по сравнению с его многочисленными годами службы в империи. В итоге я проглотила маленький кусочек свежей булочки с черничным вареньем и выпила чашку остывшего чая.

Ближе к часу дня супруг представил меня прислуге, которая разглядывала новую хозяйку замка из-под полуопущенных ресниц. Я выбрала себе только одну горничную. Девушка была приблизительно моего возраста, робкая, без заискивающей улыбки на губах и недовольства в глазах. Именно такую служанку я и хотела видеть возле себя.

После обеденной трапезы лэр Тонли-старший продолжил показывать мне дом. Самую удивительную комнату, вызвавшую неподдельный восторг, он решил оставить, видимо, напоследок.

Когда супруг открывал очередную ничем не примечательную дверь, я ожидала увидеть еще одну спальню для гостей. Однако стоило мне войти в просторное светлое помещение, заполненное бесчисленными стеллажами, усталость, вызванную длительным походом по замку, как рукой сняло. Я шумно выдохнула и быстрым шагом подошла к ближайшей полке с книгами. Затем к другой... третьей... Такого количества фолиантов мне еще не доводилось видеть. Остановившись у стеллажа с увесистыми томами по магии, с трепетом потянулась к корешкам.

– Тебе нравится? – раздался за спиной голос мужа, бесшумно следовавшего за мной все это время.

– Очень! – с придыханием ответила ему, не в силах сдержать в себе радость.

– Я был уверен, что тебе понравится библиотека. Читай на здоровье. И не вздумай приходить каждый раз за разрешением, когда захочешь взять какую-нибудь книгу.

– Спасибо! – от всего сердца поблагодарила мужа и вновь повернулась к заинтересовавшему меня стеллажу.

– Прости моего сына за бестактность. Он порой горяч. Весь в Элен, – слова ему давались нелегко.

– Вам не нужно просить прощения за то, в чем вы не виноваты, – я снова оторвалась от любования кожаными переплетами с золотыми буквами на корешках.

– Виноват, Айрис. Еще как виноват. Я упустил нужный момент в его воспитании. Ламир рос без отца, сам по себе, и он во многом прав. Меня вечно не было дома. Почти всю свою жизнь я отдал на благо империи, а не семьи. И знаешь, я осознал эту огромнейшую ошибку лишь после смерти жены. И очень надеюсь, что Ламир не пойдет по моим стопам. Правда, именно это он сейчас и делает. Но вдруг ему удастся понять все гораздо раньше, чем мне? Ты умеешь играть в шахматы? – из-за резкой смены темы разговора я даже не сразу ответила.

– Нет.

– Тогда тебе непременно стоит научиться, – лэр Тонли-старший подошел к огромному окну, занимающему едва ли не полстены. Он стоял, заложив руки за спину, и молчал, но спустя несколько мгновений как-то отрешенно заговорил: – Жизнь – это игра. Сегодня ты играешь белыми фигурами, завтра – черными, сегодня – пешка, а завтра можешь стать ферзем. И только от тебя зачастую зависит, выиграешь ты очередную партию или проиграешь. Шахматы заставляют думать, анализировать ситуацию, планировать шаги наперед. Так всегда говорил мой отец. Именно он научил меня этой игре, а я в свою очередь – Ламира. Сейчас же хочу,

чтобы и ты постигла ее. Тебе еще не раз придется сразиться с трудностями, уж такова, видимо, твоя судьба.

Мне сразу же захотелось уточнить, о каких трудностях идет речь, однако, как только монолог мужа закончился, в библиотеку вошел дворецкий, доложивший о прибытии поверенного лэра Тонли. И муж покинул меня, собираясь заняться делами. Немного постояв посреди комнаты в растерянности, я вспомнила о книгах и долго не могла определиться с выбором. Как ни странно, он пал на магию кристаллов.

Вечером, после ужина, едва приняла ванну, поразившую меня еще вчера огромными львиными лапами, на которых она стояла, забралась в кровать и открыла фолиант. Я настолько увлеклась, что не заметила, как за окном стало светать. Этой ночью лэр Тонли-старший не появился. Когда я с улыбкой закрывала увесистую книгу, собираясь продолжить чтение завтра, была абсолютно уверена, что моя жизнь определенно стала лучше. Вот только у судьбы на меня имелись свои планы.

* * *

Утро добрым не бывает, особенно утро понедельника. Это я выучила еще по пансиону, когда после единственного выходного начиналась очередная учебная неделя. Казалось бы, чего волноваться, будучи замужем? Отдыхай, занимайся домашними делами. Однако едва я спустилась в холл, почувствовала на себе уже знакомый замораживающий душу взгляд. Стоило обернуться, встретила глазами с двумя ярко-синими кристалликами льда. Земля тут же начала уходить из-под ног, а кровь схлынула с лица. Не знаю, та ли это рубашка, те ли это штаны, что были на Ламире вчера, но он по-прежнему был одет во все черное. А может, это его любимый цвет?

Главный дознаватель империи сделал несколько шагов в мою сторону, облокотился на красивые кованые перила, склонил голову набок, подобно его отцу, и словно загипнотизировал меня взглядом. Я могла смотреть лишь на него. Хотелось отвернуться, быстро подняться по лестнице и скрыться в своей комнате, но тело не слушалось, будто я превратилась в безвольную куклу.

– Ламир?! Что ты здесь делаешь? – раздался грозный голос супруга, спасшего меня от оцепенения.

– Отец! Как же... – губы дознавателя изогнулись в улыбке. Правда, теперь она не напоминала звериный оскал.

– Как же ты рад меня видеть! Мы уже это слышали, – бывший советник неторопливо спустился по мраморным ступеням и вскоре встал возле меня. – Ламир, если ты приехал, чтобы продолжить высказывать беспочвенные обвинения, тебе лучше покинуть этот дом, – сегодня лэр Тонли-старший был суров со своим сыном. Видимо, вчера пресытился его выходкой.

– Приношу извинения за свое дурацкое поведение и прошу простить мне эту вспышку. Последние недели выдалась очень трудными...

– Почему не на службе? – спросил муж все тем же грозным голосом. Похоже, слова Ламира его ни капли не тронули.

– Я посчитал, что империя как-нибудь обойдется без меня ближайший месяц, и решил его провести с вами, если, конечно, позволите. Понимаю, медовый месяц и все такое... Но я очень хотел бы познакомиться поближе с прекрасной юной лирой. Да и с тобой, отец, нам не мешало бы наверстать упущенное время. Узнать друг друга получше.

– Отпуск?! – маска отчужденности лэра Тонли-старшего слетела в мгновение ока. Его широкие брови поползли вверх. Бывший советник явно пребывал в растерянности. – Что это еще за новости? Ты никогда не брал отпуск!

– Да, а вот теперь надумал. Ты не рад? – Ламир на мгновение нахмурился. Играл он выбранную роль просто великолепно.

– Почему же? Просто все так неожиданно, – супруг повел плечом.

– Вот и отлично! – главный дознаватель оттолкнулся от перил и довольно потер ладоши. – С минуты на минуту должна подъехать карета с моими вещами.

– Прости, но отныне я не вправе принимать решение сам. Думаю, следует спросить мнение и моей жены, – супруг приобнял меня за талию. – Дорогая, ты не будешь против, если мой сын поживет с нами какое-то время?

Я прочистила горло, прежде чем ответить:

– Конечно же нет, дорогой! Как я могу быть против, если это и его дом тоже?

– Спасибо, Айрис, – муж склонился и поцеловал меня в щеку. В его голосе слышалась показная веселость, а в глазах застыла тревога.

От стука приближающихся каблучков мое дыхание сбилось. Ламир Тонли напомнил чем-то хищника, ходившего кругами возле своей жертвы и выжидавшего удобного момента для смертельного прыжка. Едва обернулась, он протянул ко мне руку, и я вложила свою в его раскрытую ладонь. Она оказалась горячей. Это тепло передалось мне и понеслось по телу со стремительной скоростью, останавливаясь в области сердца и заставляя его работать с удвоенной силой.

– Вы так великодушны... мама... – язвительная улыбка и легкое прикосновение мягких губ к тыльной стороне ладони вызвали на моих щеках предательский румянец.

Похоже, этот месяц запомнится мне надолго, ведь Ламир Тонли явно затеял недобрую игру.

– Давай без шуточек. Какая она тебе мама? – с раздражением проговорил супруг и подставил мне локоть, который я с благодарностью приняла. Тем самым он заставил молодого мужчину выпустить мои пальцы, попавшие к нему в плен.

– Как скажешь, отец, – слишком быстро и легко сдался дознаватель. – Вы уже завтракали?

– Нет. Мы как раз направлялись в столовую, – лэр Тонли-старший не сводил глаз с сына, словно пытался разгадать суть затеянной игры.

– Вы не против, если я присоединюсь? – Ламир на мгновение посмотрел на отца и снова перевел холодный цепкий взгляд на меня, будто пытался проникнуть в сознание и что-то там выведать.

Голос молодого мужчины был настолько приятным, чарующим, что, казалось, задевал какие-то доселе неведомые струны в моей душе. Однако на чары дознавателя я поддаваться не собиралась. А Молли наверняка растеклась бы перед ним лужицей, напрочь забыв о воспитании.

– Что за глупый вопрос? – произнес бывший советник с толикой недовольства.

Он повернулся и, увлекая меня за собой, проследовал в столовую, где уже вовсю суетились слуги. Однако желание полакомиться вкуснейшими заварными пирожными, с которым я проснулась и спускалась по лестнице еще пять минут назад, испарилось с появлением дознавателя. В воздухе витали приятные ароматы, но даже они не разбудили аппетит. Казалось, в присутствии Ламира мне и кусок в горло не ползет. А вот он чувствовал себя вполне раскованно, будто и не раскаивался больше в неэтичном поведении. Видимо, молодой мужчина решил, что принесенные им извинения его полностью реабилитировали.

Я заняла место рядом с лэром Тонли-старшим, который сидел во главе стола, а Ламир – вчерашнее. В комнате воцарилась тишина, вскоре нарушенная дознавателем:

– Простите, лира... – он нахмурил брови, делая вид, будто пытается вспомнить мое имя, – Аквин, если мне не изменяет память?

– Айрис, – голос супруга разнесся по столовой раньше, чем я успела открыть рот.

– О! Лира Айрин...

– Айрис, – поправил во второй раз лэр Тонли-старший своего сына, и тот изобразил сожаление.

Дознаватель чудесно играл. Можно было бы поверить в искренность его чувств, если бы он не вертел в это время, как бы невзначай, нож в руке и смотрел в какую-нибудь другую сторону, а не прямо на меня. В его действиях крылась угроза. И адресована она была, похоже, мне.

«А я здесь при чем?» – лихорадочно забилась в голове мысль, однако я удержала маску отчужденности. Наверное, на меня благотворно влияло присутствие мужа.

– Ох, видно, что-то не только с памятью моей стало, но и со слухом. Откуда вы родом, лира Айрис, если не секрет?

– Какой в этом секрет? Из Дельтауна.

Дознаватель собирался еще о чем-то спросить, но, к счастью, разговор на этом закончился – в столовую вошел дворецкий и сообщил о прибытии кареты с вещами. Ламир откланялся и удалился вслед за главным слугой.

– Дорогая, не переживай так, – лэр Тонли-старший накрыл мою руку своей. – Не давай ему лишний раз повода уколоть тебя. Он успокоится, едва поймет, что не сможет ничего изменить.

Я молча кивнула, представив, что меня ожидает в ближайшие дни. Супруг не успел убрать руку, как дознаватель вернулся в обеденный зал. Но не один, а с прелестным щенком с поразительно голубыми глазами и черной шерсткой. Мои губы невольно расплылись в улыбке.

– Ламир, это еще что?! – лэр Тонли-старший вновь поразился выходке сына.

– Как что, отец? И правильнее, не что, а кто. Собака. Разве не видишь? Хотя... Я ведь давно мечтал завести ее, а тут представилась такая возможность. Лира Айрис, мне так понравилось ваше имя, что я решил назвать им эту красотку, – и снова на его лице появилась невинная улыбка.

Я едва не поперхнулась, услышав такое заявление. Молодой мужчина собирался продолжить завтракать с нами, но щенок жалобно заскулил и Ламиру пришлось уйти из просторного помещения, чтобы передать его слугам. Муж не нашелся что сказать и прикрыл лицо ладонью, видимо уже пожалев, что согласился на просьбу сына пожить в этом доме. Мне же ничего не оставалось, как отсчитывать дни до момента, когда дознаватель вновь приступит к своим обязанностям, покинув замок.

Сидеть после завтрака в комнате не хотелось, и я решила прогуляться по парку, раскинувшись позади замка. Побродив по извилистым дорожкам, вдоволь налюбовавшись цветочными клумбами, затейливо подстриженными кустами и деревьями, выбрала неприметное место и уселась в тени, надеясь хотя бы час побыть одной. Я положила на колени свой потрепанный томик, не осмелившись взять на улицу книгу из библиотеки, и, прикрыв глаза, наслаждалась приятным влажным воздухом. Ветер, шелестя листьями, напевал еле слышимую мелодию. А те отрывались от веток и, кружась в танце, медленно падали на землю. Мои губы тронула легкая улыбка.

Внезапно тело охватила мелкая дрожь. Я приподняла веки и чуть не вскрикнула от неожиданности. Передо мной стоял Ламир, сложив руки на груди. Он смотрел на меня, не отводя глаз. Его голова была слегка наклонена, а взгляд – все такой же пронизывающий. Надежда на уединение растаяла, как туман с первыми лучами солнца, едва молодой мужчина сделал пару шагов в мою сторону. Он сел рядом, даже не спросив разрешения. Я прижала к себе книгу, словно она могла спасти меня от нападков дознавателя.

– Туго вам, лира Айрис, придется в ближайшее время, – заговорил лэр Тонли-младший после затянувшегося молчания.

– Отчего же? – спросила я, посчитав сперва в уме до десяти. Как правило, это помогало совладать с волнением.

– Разве не знаете, что месяц после свадьбы вы не имеете права принимать гостей и куда-либо выезжать, кроме как со своим супругом?

– Конечно знаю. Это общепринятые нормы, – я озадаченно взглянула на Ламира, а вот он смотрел куда-то вдаль, заложив ногу на ногу.

– Балы для вас тоже пока закрыты, да и вряд ли мой отец вообще будет ходить на них, – его голос сейчас звучал тихо и спокойно.

– Меня они не прельщают, – я оставила книгу в покое, а вот дознаватель не собирался уходить.

– И вы согласны прозябать в этой глуши, вдали от шумных городов и множества лавок? – Ламир повернулся и окинул меня задумчивым взглядом, будто оценивал мои слова на правдивость. – Не скучаете по своему любовнику?

– Кому?

– Думаете, поверю, что у вас нет пособника и вам в одиночку удалось обвести моего отца вокруг пальца?

– Что вы такое говорите?! – мне понадобилось много сил, чтобы совладать с негодованием и не вскочить со скамьи. Если мужчина хотел вывести меня из равновесия, то ему это прекрасно удалось. Зато он был спокоен, как тихая речная заводь. – Ваш отец сам на мне захотел жениться.

– С чего бы вдруг? – Ламир сидел настолько близко, что я без труда рассмотрела черные крапинки на радужке глаз.

– Вот об этом вам лучше спросить у него самого.

– Может, он помутился разумом? Мне уже начинает казаться, что отец не сам покинул должность советника, а его об этом попросили.

– Ваш отец находится в здравом рассудке и прекрасной физической форме!

– Да что вы говорите, – усмехнулся Ламир. – Как минимум он слеп. Допустим, мне не понятно, что отец в вас нашел. Глаза тусклые, как у дохлой рыбы, рот маленький, нос вздернутый... – лэр Тонли-младший скользил взглядом по моему лицу и говорил гадости, заставляя меня задыхаться от злости. – Если начистоту, он мог жениться едва ли не на любой женщине в этой империи. Но выбрал почему-то именно вас... Влюбился? Что-то непохоже... Наверняка вы его чем-то опоили или одурманили.

– Можете мне не верить, лэр Тонли, но впервые вашего отца я встретила в храме. Между прочим, очень благодарна и ему, и судьбе, что стала женой такого человека.

– Вы строите из себя такую невинную овечку, что мне и правда хочется вам поверить, и поверил бы, если бы не годы работы дознавателем. Чаще всего за таким фасадом скрывается алчная душонка самой обычной охотницы на богатеньких мужчин. Но ничего... И не таких раскалывал. Мои люди уже собирают на вас досье. Поверьте, я выведу вас, маменька, на чистую воду. А пока позвольте вас покинуть. Наслаждайтесь последними теплыми и беззаботными днями. Думаю, через неделю-две могут грянуть первые морозы.

Ламир встал и, поклонившись, направился широким шагом к замку. Я же смотрела вслед молодому мужчине и поражалась его красоте, холодной и губительной. Видимо, дознаватель завел этот разговор, надеясь запугать меня, но тут он просчитался. Мне не о чем было волноваться. Душой и помыслами я была чиста.

Вернувшись из парка, я села за столик в своих покоях и начала писать письмо лучшей подруге. Хотелось поделиться с ней произошедшими в жизни событиями, попросив утаить от Молли и других девушек имя супруга. Правда, такую новость сложно удержать в тайне долго. Едва я заклеила конверт и положила его в ящик стола, пришла портниха, и мы не один час провели с ней за обсуждением фасонов платьев, нижнего белья и выбором тканей.

Обед и ужин прошли в мирной обстановке. Ламир не язвил. Наверное, высказавшись, решил дать мне временную передышку, и я позволила себе немного расслабиться. Ведь что он мог мне сделать?

Вечером из столовой мы переместились в гостиную. Мужчины играли в шахматы, а я читала книгу – на этот раз приключенческий роман. Вернее, делала вид. Хотя в комнате стояла тишина, поскольку оба Тонли порой не одну минуту обдумывали ходы, сосредоточиться на книге у меня не получалось. Я частенько исподтишка подглядывала за сыном и отцом, сравнивая их между собой. Внешне они были схожи, но по характеру казались такими разными. А может, лишь казалось? Все же у Аарона Тонли за плечами немаленькая жизнь. Наверняка он набил не одну шишку, в то время как Ламир еще только получал по лбу, но уроков вынести не успел.

Я видела, как главный дознаватель, скорее неосознанно, копировал жесты моего мужа, пытался во всем ему подражать. Хотя в молодом мужчине пока и говорила обида, несомненно, он любил отца. Да и я подловила себя на том, что то и дело останавливаю взгляд на красивом профиле дознавателя. Мысленно отругав себя, вернулась к книге.

– Ламир, какие планы у тебя на завтра? – прозвучал голос супруга, и я вновь отвлеклась от чтения.

– Пока никаких, – отозвался дознаватель, в очередной раз взяв фигуру противника.

– Вот и замечательно, – задумчиво протянул лэр Тонли-старший.

– Почему интересуешься? – Ламир запустил пальцы в волосы и провел по ним, слегка взъерошив.

– Айрис не мешало бы съездить завтра за покупками, а у меня назначена встреча с Генри.

– С Генри? Что-то важное?

– Да, – коротко ответил муж, не собираясь, по всей видимости, вдаваться в подробности, и сделал ход конем. Однако молодой мужчина сразу же взял еще одну фигуру лэра Тонли-старшего.

– Теряешь сноровку, – довольно проговорил Ламир, скрыв тем самым удивление и озадаченность, появившиеся при упоминании поверенного. – Ты можешь перенести встречу с Генри либо съездить с женой в город послезавтра.

– Тебе в тягость? – однако очередной разгорающейся перепалке не дал вспыхнуть сам Ламир, ни с того ни с сего сказав:

– Нет. Не в тягость. Я с удовольствием сопровожу лиру Айрис в город.

При этих словах я нервно сглотнула, окончательно потеряв интерес к тексту. Похоже, на горизонте маячила очередная пытка. А разве нет? Провести едва ли не целый день в компании дознавателя – это не пытка? Неужели он упустит возможность кольнуть лишний раз, да побольнее?

Сославшись на усталость, пожелала мужчинам спокойной ночи и ушла к себе. Когда раздался скрип двери и уже знакомое шлепанье тапочек, я уже лежала в теплой постели и смотрела в потолок. Сердце мгновенно заколотилось с удвоенной силой, а пальцы неприятно закололо.

Супруг устроился на свободной стороне широкой кровати, так и не сняв халат.

– Сожалею, Айрис, однако нам иногда придется спать в одной кровати. Я не думал, что Ламиру взбредет в голову взять отпуск и поселиться в замке. Но не буду лгать – мне это отчасти нравится. Не часто мы проводили вместе столько времени. Он тебя хоть не донимает?

– Нет, – я понадеялась, что ответ прозвучал достаточно убедительно. Сталкивать их вновь лбами было ни к чему. Это еще больше настроило бы Ламира против меня.

Лэр Тонли-старший облегченно вздохнул. Мы молча лежали в темноте. Я старалась не шевелиться, чтобы ненароком не разбудить бывшего советника, но, судя по его дыханию, сон этой ночью не торопился и к нему.

– Айрис, ты владеешь магией? – внезапно спросил он.

– Скорее нет, чем да. В пансионе нам преподали всего пару уроков по бытовой магии.

– А хочешь развить ее и научиться управлять энергетическими потоками?

– Конечно хочу! – я спешно приподнялась на локтях. – Но...

– Что «но»?

– Вы правда не будете против? – недоуменно посмотрела на мужа, который выглядел очень бледным в свете холодной луны.

– Если сам предложил, явно не буду, – тихонько рассмеялся бывший советник. – Чем ты так озадачена?

– Лиры в высшем обществе, как правило, не владеют магией. Это считается дурным тоном.

– Ох уж эти женщины... – по спальне разнесся тяжелый вздох. – Сами придумали какие-то нелепые правила, а потом им и следуют. – Нет так нет! – мужчина повернулся на бок.

– Стойте-стойте! Хочу! Еще как хочу! – упустить такой шанс я не могла. – Это когда-то было маминной мечтой. И моей тоже... – мой голос предательски зашелестел, подобно сухому осеннему листу, гонимому ветром по земле. – Мы часто сидели в тени большого раскидистого дерева и представляли, как однажды я закончу академию магии, стану магистром... В эти минуты она давала мне ветку и я взмахивала ей, словно волшебной палочкой... – воспоминания из детства вызвали у меня улыбку на губах. – Чуть позже я узнала, что она не нужна магам.

– Тогда купи завтра тренировочный костюм. Но постарайся это сделать так, чтобы не увидел Ламир. Он явно не одобрит мое решение. Хоть меня и не волнует его мнение, не хочу лишний раз вступать в спор.

– Хорошо, – ответила я с замиранием сердца. Хоть в голове и вертелось много вопросов о магии, я их оставила на потом, когда начнутся занятия.

– Но тебе придется учиться. Много учиться. И учитель я строгий – не жди похвалы или поглажек.

Эта новость настолько меня обрадовала, что даже завтрашняя поездка в компании Ламира не казалась уже столь ужасной. Я еще раз пожелала мужу спокойной ночи, снова поблагодарила судьбу за такой подарок, закрыла глаза и провалилась в крепкий сон.

* * *

Я старалась сдерживать улыбку за завтраком, но у меня не всегда получалось. Она сама появлялась на губах и отказывалась прятаться. Конечно же, дознаватель заметил мое странное поведение и лишь бросил в мою сторону задумчивые взгляды. Однако они не преуменьшили моего счастья.

К одиннадцати я была готова отправиться в путь и дожидалась Ламира в холле, а вот он, как назло, задерживался. Прошло не менее получаса, когда дознаватель с мрачным видом соизволил спуститься в сопровождении немолодого мужчины. У незнакомца был не менее цепкий взор, чем у Тонли-младшего. Гость откланялся и покинул нас. Ламир бросил на меня мимолетный взгляд, и мы рука об руку направились к закрытому экипажу, что стоял у парадного входа.

Ламир дождался, пока кучер поможет мне взобраться по узким ступенькам, и сел на противоположную скамейку. Лошади тронулись, звонко стуча копытами, а колеса зашуршали по подъездной дорожке. Я специально захватила с собой книгу, но тряска была такой силы, что буквы постоянно прыгали. Сосредоточиться на строчках оказалось невозможно.

– Вот вы, лира Айрис, утверждаете, что увидели моего отца впервые в храме, – нарушил мужчина тягостное молчание.

– Да, это так, – я убрала потрепанный томик в ридикюль, желая хоть на миг отвести взгляд от дознавателя и отложить допрос, который он собирался мне устроить.

– Тогда, может, вам удастся объяснить: зачем моему отцу оплачивать долги вашего опекуна?

Если он хотел в очередной раз вывести меня из себя, то у него это великолепно получилось.

– Лэру Томасу Хотдженсу?

– У вас есть еще один опекун? – его бровь насмешливо изогнулась.

– Нет, но... Это какая-то бессмыслица, – я ему не поверила. Возможно, приданое отчим и спустил, но какой толк бывшему советнику платить ему? И как велик был долг?

– Вот и я так думаю. Ваши мысли?

– Я... не имею понятия, – отозвалась глухим голосом. В мыслях воцарился хаос.

– Так, может, Хотдженс и есть ваш поделщик? – он закинул ногу на ногу и откинулся на спинку скамьи. Его обвинение вызвало в душе бурю негодования.

– Я уже говорила: нет у меня никакого поделщика. Но даже если бы он и был, отчим – последний человек в империи, с которым я имела бы хоть какое-то дело.

– Не знаю, какая между вами пробежала кошка, но вам обоим на руку этот брак: вы стали женой богатого и влиятельного человека, а он – со спокойной душой может влезать в новые долги, – Ламир, в отличие от меня, сохранял завидное спокойствие.

– Не сомневаюсь, вам известно, лэр Тонли, что последние десять лет я училась в пансионе и приезжала в гости к Хотдженсам лишь один раз в год на зимние каникулы. Не могу сказать, что не замечала, как в доме постоянно появлялась новая мебель, один экипаж сменялся другим, при этом более роскошным. И отчим, и мачеха любят пожить на широкую ногу, но я не подозревала о таких масштабных проблемах.

– И даже о том, что они могли в любой момент лишиться дома?

– Лишиться дома? – пораженно повторила я за Ламиром. Хотелось упрекнуть его во лжи, но сдержалась, едва заглянула в синие как море глаза. По всей видимости, он говорил правду. – Нет...

– Думали, я вам поверю? – усмехнулся дознаватель, продолжая следить за моим выражением.

– Зачем мне помогать человеку, сославшему на долгие годы подальше от родного дома?

– За обучение надо платить, а у Хотдженса такой возможности больше не было.

Только теперь я поняла: независимо от того, вышла бы я замуж за лэра Тонли-старшего или нет, пансион пришлось бы в скором времени покинуть. И следовало в который раз уже возблагодарить судьбу, что в моей жизни сложилось все именно таким образом.

В карете повисло давящее молчание, нарушаемое изредка выкриками лакея и стуком копыт по каменистой дороге. Ламир, вероятно, анализировал услышанное, а я пребывала в шоковом состоянии, не представляя, как отчиму удалось спустить столько денег. Однако больше всего не давала покоя странная потребность Тонли-старшего в столь скоропалительном браке. Глупые мысли сами собой стали закрадываться в голову.

Вскоре мы все же приехали. Едва экипаж остановился, дознаватель, не дожидаясь помощи кучера, спрыгнул на землю и любезно помог мне выйти. Мужская ладонь вновь оказалась такой же горячей, как и в тот единственный раз, когда наши руки соприкоснулись. Тепло и ощущение силы, надежной опоры вызвали приятный трепет в груди, а щеки предательски запылали. Желая скрыть охватившие меня эмоции, стала разглаживать складки на дорожном платье и успокоилась, когда он устремил взор на оживленный город. Однако вскоре Ламир подставил локоть, за который я взялась, и мы направились к множеству лавок, выстроенных в ряд.

На меня тут же устремились изумленные и завистливые взгляды представительниц прекрасного пола. Ламир Тонли был лакомым куском торта даже у замужних лир, но этим чудесным солнечным днем именно мне выпала возможность пройтись по широким мощенным брус-

чаткой улицам в его сопровождении. Однако никто не представлял, чего мне это стоило. Рядом с ним тело охватывали дрожь и волнение, и унять их было не так просто.

Спустя три часа хождений Ламиру все же надоело и он остался у входа в очередную лавку, сказав, чтобы я позвала его в случае надобности. И это было весьма кстати: у меня появился шанс незаметно купить тренировочный костюм. Мой выбор пал на коричневые кожаные брюки и черную тунику. Я попросила продавца получше упаковать одежду в бумагу, чтобы Тонли-младшему не удалось рассмотреть содержимое свертка. Рассчитавшись и забрав покупку, уже собиралась покинуть лавку, когда позади раздался приятный бархатный голос:

– Юная лира, это не вы ненароком обронили?

Я обернулась и увидела светловолосого мужчину лет сорока-сорока пяти, протягивающего мне золотой браслет. Он был среднего роста, но из-за худощавого телосложения казался гораздо выше. Глаза незнакомца завораживали своей зеленью, такой же яркой и насыщенной, как первые листья по весне.

– Так он ваш?

– Нет, лэр. Это не моя вещь, – я с трудом нашла в себе силы, чтобы ответить, однако отвести взгляд от красивого мужчины не смогла. Мои губы расплылись в глупой улыбке, дыхание слегка участилось, а на щеках заиграл румянец. Мне стало невыносимо душно.

– А вы еще прекраснее, чем я предполагал, – он сделал ко мне шаг, но я не сдвинулась с места, будто мои ноги приросли к полу.

– Лира Айрис, вы выбрали здесь что-нибудь? Если нет – идемте дальше, – голос Ламира, холодный и отрезвляющий, мгновенно привел меня в чувства.

Я обогнула незнакомца, на лице которого появилось недовольство, едва в лавку вошел дознаватель, и быстрым шагом вылетела на улицу.

– Кто это был? – спустя некоторое время решила спросить у изменившегося в лице Тонли-младшего. Станный интерес к незнакомцу никак меня не отпустил.

– Рэнли Росман, – нехотя отозвался он, продолжая смотреть вдаль.

– Кто?

– Неужели вам не доводилось ранее слышать это имя? – дознаватель резко остановился и повернулся ко мне, пронзив взглядом как шпагой. Я нервно сглотнула и отрицательно покачала головой. – Или вы на самом деле столь невинны, как выглядите, или же великолепная актриса. К сожалению, пока не могу разобраться. Рэнли Росман известен всем своими бесчисленными любовными связями. Правда, мне не понятно, что в нем находят женщины, – я не ценитель мужской красоты. Но вижу, и вы не смогли остаться равнодушными к его чарам, – Ламир уже собирался продолжить путь к карете, как вновь заговорил: – Поторопились вы, лира Айрис, с замужеством, а то могли бы стать его шестой или седьмой по счету супругой. Он как раз свободен.

После небольшого, не лишеного эмоций монолога дознаватель все же устремился к экипажу. Я столько всего купила, что часть вещей пришлось разместить на сиденьях рядом с собой и Ламиром. Сердце переполнял детский восторг.

Стараясь не реагировать на мимолетные хмурые взгляды молодого мужчины, которые зачастую ощущала на себе, смотрела в окно и пыталась ни о чем не думать. Однако в памяти порой всплывали зеленые глаза незнакомца, сумевшего каким-то образом ненадолго завладеть моим вниманием. Вот только теперь мое сердце не заходило от стука и его внешность не казалась такой уж привлекательной, как тогда в лавке. Видимо, в ту минуту на меня нашло какое-то наваждение, и оно постепенно рассеивалось.

Глава 4

Около шести вечера карета остановилась у парадного входа фамильного замка рода Тонли. Ламир спешно выпрыгнул из нее и скрылся в доме, решив не церемониться со мной вдали от чужих глаз. Или он был зол на меня? Но за что?

Окинув свертки довольным взглядом, я ступила на землю и неторопливым шагом вошла в холл, где супруг отдавал Генри последние указания. Дознаватель же сидел в кресле и с интересом наблюдал за ними со стороны, подперев рукой подбородок. Вскоре поверенный мужа откланялся и покинул нас.

– Как прогулялась, дорогая? – Тонли-старший подошел ко мне, едва ощутимо поцеловал в щеку и положил руку на талию. – Все купила, что хотела?

– Если бы она купила все, что хотела, мы бы не выехали из Сельтауна, – Ламир произнес это негромко, но так, чтобы отец слышал его слова.

– Дорогая, я же просил, чтобы ты ни в чем себе не отказывала, – с легким упреком вымолвил супруг.

– Тогда посылай в следующий раз еще одну карету... за покупками, – проворчал дознаватель, откинувшись на спинку кресла. Похоже, многочасовые походы по лавкам все же утомили молодого мужчину. Однако можно было заметить озадаченность в синих кристалликах льда. Что же ему не давало покоя?

– Ламир, кто бы говорил! Приехал на месяц, а вещей привез, словно переезжать надумал.

В глазах мужа плясали смешинки. Он находился в отличном расположении духа, в отличие от сына. Я тихонько хихикнула, прикрыв рот рукой.

– Мне просто не хватило времени их собрать, – беззлобно ответил Ламир и поднялся.

– Да-да, считай, мы с Айрис тебе поверили, – поддел бывший советник сына. Казалось, молодой мужчина непременно скажет колкость в ответ, но он на мгновение широко улыбнулся, и на его щеках появились восхитительные ямочки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.